

Марина подняла голову и дерзко взглянула прямо в лицо хозяйке кабинета. Это была крупная дама с ярко выраженным чувством собственного достоинства на полном лоснящемся лице. Возраст ее давно перевалил за пенсионный. Отечные веки почти скрывали узкие глаза, смотревшие на девушку холодно и отчужденно. С нескрываемым осуждением и даже с какой-то брезгливостью она произнесла:

— Какие вы все, детдомовские...

И окинула ее насмешливым оценивающим взглядом. Перед ней сидела взъерошенная, багровая от негодования наглая девчонка. В дешевеньких джинсах, разорванных по моде на коленях, в сверхкоротком топике, почти полностью обнажавшем впалый живот, и с высушенными перекистью бесцветными волосами. Абсолютно беспомощная девчонка, которая целиком зависела от ее воли.

Марина переспросила неожиданно дерзко:

— Какие же мы, детдомовские?

— Настырные. Без комплексов. Все вам что-то должны, что-то обязаны... Квартире вам подавай. Приучили вас в детдоме — на все готовенькое.

Марина вспыхнула. Вскочила со старого скрипучего стула, единственного в этом кабинете, если не считать такого же полуразвалившегося кресла, на котором, однако, ответственная дама восседала важно, словно на троне. Со злостью рванула с пола новый разлапистый рюкзак и накинула его лямки на плечи.

— Значит, юрист, который встречался с нами — выпускниками детдома, врал и вы не обязаны предоставить мне жилье? — В ее голосе прозвучали угрожающие нотки.

— Ну что же... Так и запишем! Будьте любезны, изобразите свой отказ на моем заявлении! — Она выхватила из кармана и со всего размаху шлепнула на стол измятый листок бумаги, на котором было что-то написано крупным школьным почерком.

— А я эту бумажку председателю муниципалитета отнесу. У него как раз прием в понедельник. Устраивает?

— Не хами, моя дорогая!

Нервы у Марины сдали, и голос ее дрогнул.

— Это не я хамлю, а вы!

— Ты мне еще заплачь здесь!

— Чего? Да я, если хотите знать, никогда не плачу.

— Да ну!

— Я с шести лет в детдоме, и никто никогда моих слез не видел.

— Ишь ты... — Хозяйка кабинета чуть приподняла веки и с любопытством взглянула на девушку. — Сядь! И не прыгай с места, пока разговор не закончен. Да оставь ты свой рюкзак, наконец!

Марина села.

Ответственная дама раскрыла какой-то журнал, перевернула пару страниц.

— Как твоя фамилия, напомним.

— Найденова.

— Так... Найденова. Слушай, а Николай Найденов тоже ведь выпускник вашего детдома? Так этот Найденов не твой брат случайно?

— Все люди — братья, — не удержалась Марина.

— Ты мне мозги не пудри! Так брат или нет? Чего я каждому из вас отдельное жилье ищу, если вас вместе поселить можно?

Марина испугалась.

— У нас в детдоме все Найденовы, ну, кто без документов был найден. Больше половины воспитанников.

— Ладно. Поняла. Вот тебе очередная смотровая. Последняя. Про квартиру забудь навеки. Комнату бы тебе найти какую-никакую. Ты не одна, вас десять человек выпускников детдома, всех надо куда-то поселить. У нас — не Москва, жилья свободного в городе кот наплакал. А тебе и то не так, и то не этак.

— Так же вы мне давали? Первая комната вообще в полуподвале, пол проваливается, со стен капает, а вторая — прямо под крышей на чердаке, небо просвечивает.

— Не сочиняй. Не чердак это, а мансарда. Если хочешь знать, там известный художник много лет мастерскую держал, не жаловался. Бери бумажку-то. Здесь адрес. Двухкомнатная квартира хорошая, на третьем этаже. И комната твоя двенадцать метров, светлая. Но заранее предупреждаю — соседи у тебя будут те еще... Потому сразу тебе и не предлагала.

— Это что значит — «те еще»?

— Да вот то и значит. Двое ваших уже отказались. Да что я тебе буду рассказывать, сама увидишь. Но учти — у меня больше ничего нет. Хоть в суд подавай. Мне еще твоего названного братца устраивать надо.

Марина снова натянула лямки рюкзака на плечи и направилась к двери, но хозяйка кабинета вдруг спросила:

— Слушай, Найденова... Ты вот все со смотровыми бегаешь... А ночуешь-то ты где?

— Мне Ольга Сергеевна, наша директор, разрешила в ее кабинете ночевать, — ответила Марина, удивившись про себя этому вопросу. — Втихаря, чтобы никто не видел. Я поздно приходила, меня ночная нянечка впускала. Но Ольга Сергеевна в понедельник в отпуск уходит, так что теперь и не знаю...

В узких глазах начальницы впервые мелькнуло что-то человеческое.

— А Николай Найденов где ночует?

Марина вздохнула.

— Теперь не знаю. Его мальчишки ночью к себе в спальню впускали, на полу у них спал. Да потом сторож увидел, такой скандал был. Теперь где — не знаю. Может быть, в ночлежке, если там место есть.

— А вещи? Где ваши вещи?

Марина усмехнулась. Кивнула на рюкзак.

— Мои-то все здесь. А у Кольки из всех вещей — одна зубная щетка в кармане.

— Ладно, ступай. Завтра выходной. А в понедельник прием у меня с утра. Придешь, скажешь, что решила. Если комната устроит, там и ночевать оставайся. С ремонтом тебе обслуживающая компания должна помочь, я позвоню, распоряжусь.

Марина, несколько озадаченная такой метаморфозой в настроении начальницы, протиснулась с рюкзаком через узкую дверь и, спохватившись, уже в коридоре произнесла:

— Спасибо...

Ответили ей или нет — она уже не слышала. Выскочив на улицу, она почти побежала по нужному адресу.

Он спокойно шел домой обычным своим маршрутом, по знакомым улицам и через изученные дворы со своими темными закоулками и скверами, с обновленными недавно детскими площадками.

— Батюшка, благословите!

Еще не старая женщина преградила ему дорогу. Он давно знал эту прихожанку, где бы она ни встретила священника, везде подходила за благословением. Иногда отцу Михаилу казалось, что она так же резво подскочила бы к нему за благословением и в продуктовом магазине.

— Я сегодня на литургии была, отец Михаил. — Лицо прихожанки излучало благоговение. — Мне так ваша проповедь понравилась! Вы так проникновенно говорили, я даже прослезилась.

«Хвалу и клевету приемли равнодушно...» — Привычно вздохнул про себя отец Михаил.

Вот этой женщине его проповедь понравилась, а кому-то другому совсем нет. Он прослужил немало лет, и каких только мнений о своих сослуживцах за эти годы ни слышал. Если батюшка начинает службу точно в назначенное время — зануда. Если с опозданием — не уважает верующих. Если проповедь длинная — болтун. Если короткая — не умеет говорить. Священник — не икона. Человек в храм приходит к Богу, а не к священнику.

Прихожанку он благословил, поблагодарил за добрые слова и решительно зашагал к своему дому.

Неожиданно отец Михаил вспомнил, какой сегодня день, и ему показалось, что он даже покраснел. Сегодня исполнилось восемнадцать лет, как повенчались они с матушкой Натальей.

Венчались, понимая, что это на всю жизнь. Нынешние молодые женятся и даже венчаются, а про себя, он уверен, всегда оставляют в душе лазейку: ну, не получится, значит разбежимся. Зачем на всю жизнь загадывать, она вон какая большая. А священник женится один раз.

Конечно, в первые годы тоже было не все гладко. Оказалось, что оба они заядлые спорщики. И спорили до хрипоты, и ссорились порой, и по несколько дней злились друг на друга, случалось и такое. Теперь они с улыбкой вспоминают те времена. Поняли со временем, что истины решаются не в спорах, истины решаются только тогда, когда муж и жена понимают друг друга и готовы уступить, согласиться и смириться с мнением супруга.

И не только настоящим его другом стала Наташа, но и матушкой всего прихода, который он принял сразу после рукоположения. Именно она была организатором и руководителем воскресной школы при храме, ни одна благотворительная выставка, ни одно социальное служение не обходилось без ее участия.

Заочно Наташа окончила институт культуры, вела драматическую студию в детском доме и на каждый православный праздник непременно готовила небольшую сценку, а то и маленькое представление на Евангельский сюжет или по Житиям святых.

Пятерых детей им Бог даровал, от храма Наташа несколько отошла, но все домашние проблемы приняла на свои плечи. Отец Михаил редко бывал дома, ей

приходилось все вопросы по хозяйству решать самой. У него — служение в храме, многолюдные исповеди в праздники и в пост, требы, освящение квартир и домов, посещение детского дома, соборование и причащение больных и умирающих, к которым могли призвать и ночью.

Часто приходилось и прорабом быть: то крыша в храме потекла, то фундамент дал трещину. Конечно, кроме него, настоятеля, в храме служили еще два священника, совсем молодые, которым самим надо было помогать, наставлять да и следить, чтобы ничего не упустили, ни в чем не ошиблись по неопытности. В заботах о пастве и храме просто не хватало времени и сил на семью, на собственных детей. Он хорошо понимал, как трудно его Наташе.

Когда видел ее усталые глаза, осунувшееся лицо, ему становилось стыдно и бесконечно жаль свою подругу, но что он мог изменить? Частенько, слыша на исповеди слезные жалобы прихожанок на мужей, с утра до ночи занятых на работе и запустивших свой дом, он думал о своей матушке. За восемнадцать лет он не слышал от нее ни одной жалобы, хотя понимал, догадывался, что и обиды, и тайные слезы у нее тоже были.

Даже когда сказал ей, что решил поступать в аспирантуру — только влажно блеснули ее глаза, и Наташа отвернулась. А потом долгими ночами корпела вместе с ним над его докладами и статьями, редактируя их, выискивая стилистические несуразности.

Но вот подросла старшая дочь Ксения, которой по весне отметили шестнадцатилетие, во всем стала помощницей. Унаследовала выдержанный, стойкий характер матери. Окончила весной музыкальную школу и решила после окончания православной гимназии поступать в Духовную семинарию, стать регентом*.

Сейчас лето, и у Наташи «каникулы», как любили они шутить. Младший, двухлетний Федор, отправлен к бабушке, матери отца Михаила, в Костромскую область. Сопровождать его вызвалась Ксения. Родители с радостью согласились: и бабушке подмога с малышом, да и сама отдохнет, в речке покупается... Ну а остальные трое, погодки — Николай, Аня и Петр, сейчас в православном летнем лагере. Сегодня такая редкая возможность побыть вдвоем, поговорить, просто посидеть рядом в тишине родного дома.

Отец Михаил купил в цветочном павильоне красивые гладиолусы и, стараясь не повредить длинные стебли, осторожно нес цветы чуть впереди себя. Он ловил на себе любопытные взгляды. Еще бы! Священник в рясе и с букетом гладиолусов! Словно учитель первого сентября.

Когда он проходил дворами к своему дому, дорогу ему преградил маленький ехидный старичок, который, если их пути пересекались, всегда находил причину остановить священника. Очевидно, он жил где-то неподалеку.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здравствуйте.

Отец Михаил спокойно остановился и выжидающе посмотрел на старика. Тот ткнул в его букет желтым от куража пальцем.

— Гладиолусы?

— Да.

— Голландские?

— Возможно.

— А на присутствие трипсов проверили?

— На что? — не понял священник.

— Трипсы — это вредители голландских гладиолусов. С этими цветами к нам в Россию их тоннами завозят.

* Регент — здесь: дирижер церковного хора.

— Нет, я не проверил цветы на присутствие этих трипсов... — ответил отец Михаил, пытаясь сбоку обойти назойливого старика, но тот был настроен решительно.

— Вот потому они у нас и плодятся, что никто не проверяет. А вы знаете, что каждая самка этого жука — он такого коричневого цвета, его сразу признать можно — откладывает двадцать яиц? А за сезон вырастает аж пять, а то и шесть поколений!

— Очень интересно... — Отец Михаил не обладал бесконечным терпением, и чувствовал, что оно подходит к концу. Он хорошо знал этот свой грех и, боясь сорваться, аккуратно прервал бессмысленную дискуссию. — Вот что, друг мой... Вы храм наш знаете?

— Знаю, конечно.

— Я завтра раннюю литургию служу. Вот и приходите. Исповедуйтесь, причаститесь, а после службы мы подробно и поговорим об этих... как их...

— Трипсах.

— Вот, вот...

— Ну, нет, батюшка. В церковь вашу я не пойду. Не мое это.

— Воля ваша. А сейчас вы меня простите. Спешу я.

К ним подскочила какая-то женщина.

— И чего привязался, старый осел! Дай человеку пройти!

Старик что-то недовольно забубнил, а священник торопливо зашагал к своему дому.

Уже подходя к своей парадной, он вдруг вспомнил, как поздней осенью вечером они с матушкой Натальей спешили домой после Всенощной. И этот самый старичок вынырнул откуда-то из темноты и преградил им дорогу. Он был явно навеселе, и потому вел себя особенно вальяжно. Свой знакомый желтый палец он поднес почти к самому лицу священника и, подмигнув, произнес:

— А вам, батюшка, с женщинами — ни-ни!

Это было так неожиданно и так смешно, что Наташа не выдержала и прыснула. Отец Михаил тоже не сдержал улыбки, прижал к себе локоть жены и увлек ее прочь от навязчивого старика.

Летний день, конечно, долог, но приближение вечера чувствовалось. Внутрь детской площадки, втиснутой среди пятиэтажек, солнце уже не попадало, хотя малышей здесь было еще много. Скрипели старые качели, в песочнице было оживленно, пронзительный детский плач смешивался с чьим-то залихватистым смехом.

Здесь же, не обращая внимания на сновавших между горкой и качелями малышей, несколько мальчишек постарше играли в футбол, перемежая со сквернословием смачные плевки.

Марина, проходя между ними, ловко отбила подкатившийся под ноги мяч и влепила звонкую оплеуху пацану, выразившему свое недовольство откровенным матом. Тот даже опешил от неожиданности.

— Ты чего, ненормальная, что ли?

— Не фиг материться! Дети кругом!

Марина, не оглядываясь, проследовала к своему подъезду. Лестница была на удивление чистой. Стены, конечно, облупились, вдоль и поперек на них пестрели чьи-то разноцветные автографы от признания в любви до откровенных ругательств. Марина поднялась на третий этаж и замерла возле нужной двери. Дверь была старой. Облезлой. На фоне соседних по площадке дверей, металлических, аккуратных и даже красивых, она выглядела весьма непритязательно. Звонок был вырван из стены и висел на тонком проводке. Марина все-таки нажала старую кнопку и прислушалась.

— К ним стучать надо, звонок не работает... — услышала Марина позади себя чей-то голос и оглянулась.

По лестнице, приветливо улыбаясь, легкими шагами поднимался священник средних лет с букетом пышных гладиолусов в руках.

Марина не в первый раз видела священника. Над детским домом, в котором она выросла, шефствовали прихожане ближайшего храма, и священники появлялись часто. Особенно на праздники, светские и церковные. Этих гостей детдомовцы всегда любили: они приносили подарки, иногда давали какие-то немудреные концерты. А самое главное, скрашивали их однообразную жизнь.

Изредка священники крестили совсем маленьких детишек, только что принятых в детский дом. Быть участниками этого священного действия стремились все, кто был в это время на месте — и дети, и взрослые, включая работников кухни и дворника. Ничего удивительного для Марины в этом не было. Но встретить священнослужителя здесь, на лестничной площадке, она никак не ожидала. Взглянув на него еще раз, она успокоилась, признав в нем настоятеля городского храма отца Михаила, знакомого ей с малолетства. Нечленораздельно буркнув ему «здрасьте», Марина постучала в ободранную дверь осторожно, словно извиняясь.

Батюшка не сдержал улыбки.

— Тебе к Валентине надо?

— У меня смотровая на свободную комнату.

Священник окинул Марину неопределенным взглядом, подошел и неожиданно сильно забарабанил крепким кулаком в ободранную дверь.

— Валентина! Открывай! Гости к тебе!

За дверью послышалось какое-то движение, лязгнула задвижка и перекошенная дверь, тяжело цепляясь за пол, отворилась, явив миру опухшее лицо сильно пьющей женщины с переливающимися всеми цветами радуги остатками синяка под глазом.

— Здравствуйте, отец Михаил, — нисколько не удивившись и не заметив цветов в его руках, поздоровалась она. — Что стряслось? — она без особого любопытства посмотрела на Марину.

— К вам девушка со смотровой. Достучаться не могла.

— Ну, дождались... — с неопределенной интонацией произнесла Валентина.

Марина беспомощно оглянулась на священника. Взгляд у девушки был такой испуганный и растерянный и выражал такую мольбу, что отец Михаил вошел вслед за ней в прихожую.

Стойкий пивной запах, смешанный с табаком, ударил в нос. Из тесной прихожей был виден кухонный стол с остатками многодневного пиршества и грязное окно с закопченной тюлевой занавеской. Все дверные проемы квартиры зияли пустотой, вечерний сумрак выползал из комнат, скрывая их содержимое. Одна-единственная, по-видимому, кухонная, дверь, старая, облезлая, с оторванной металлической ручкой, болтавшейся на одном гвозде, сиротливо прижималась к стене прихожей, делая ее узкое пространство еще более тесным.

— Вы что, так без дверей и живете? — удивился отец Михаил.

Валентина пожалала плечами.

— А на что они нам? Замки все время ломаются. Мы Ваське из двенадцатой квартиры давным-давно их сбагрили. Не за так, конечно...

И Валентина многозначительно подмигнула Марине.

— Как же девушка жить тут с вами будет... без дверей?

— Ну, девушка захочет поставить — ее право. Никто возражать не будет. Твоя комната там, — указала Валентина на ближайший проем.

Марина переступила порог и звонко присвистнула. Вновь растерянно и беспомощно оглянулась на отца Михаила. Комната была захламлена, повсюду валялись какие-то коробки и пластиковые бутылки из-под пива. В углу стоял маленький диванчик, на котором валялось скомканное лоскутное одеяло. Здесь явно кто-то жил.

— У тебя здесь кто-то квартирует? — спросил священник у хозяйки квартиры, которая без особого любопытства заглядывала в комнату из прихожей.

— Так братальник Николая, мужа моего. Он очередную зарплату пропил, его жена выгнала, вот он к нам и пришел. А мы что — не люди, что ли?

Отец Михаил покачал головой.

— Придется тебе просить другую смотровую, девушка. Здесь ты жить не сможешь.

— Не дадут больше. Это последняя... — обреченно произнесла Марина. Ей впервые стало по-настоящему страшно.

— Ты где живешь-то?

— Нигде, — пожала она плечами.

— Как это?

— Я детдомовская.

— То-то мне твое лицо знакомым показалось. Вспомнил теперь. Тебе даже ночевать негде?

Марина обреченно кивнула.

— Негде. Третья смотровая — и все мимо. Пролет фанеры над Парижем...

И сокрушенно присвистнула.

Отец Михаил, размышляя, снова внимательно посмотрел на Марину. Что же делать с этим взъерошенным, испуганным цыпленком? Не бросать же ее здесь на произвол судьбы!

— Тебя как зовут-то?

— Марина, — она сама не узнала своего голоса, такой он вдруг стал сильный.

— Ну, вот что, Марина. Здесь не место твои дела обсуждать. К нам сейчас пойдем. Мы живем на пятом этаже. Матушка моя дома сейчас. Ты ее должна знать, она в детском доме частенько бывает. Ну и поговорим. Расскажешь нам про свои дела. Пошли...

Отец Михаил открыл ключом дверь своей квартиры и хотел было пропустить неожиданную гостью вперед, но Марина вдруг попятилась.

— Я не могу к вам... Я так одета...

— Ничего страшного. Пошли, пошли. Переоденешься у нас. У тебя ведь есть, что надеть?

Из кухни вышла улыбающаяся хозяйка дома.

— Это Марина. — Отец Михаил передал жене букет цветов, поцеловал ее.

Она благодарно и понимающе улыбнулась.

— Неужто вспомнил? Надо же.

— А это — жена моя Наталья. Наталья Владимировна.

Марина сразу ее узнала.

— Проходите, проходите... Не стесняйтесь. Мы с вами знакомы, кажется? В храме встречались?

— Я из детского дома. Выпускница.

— Вот оно что. — Наталья Владимировна окинула ее быстрым взглядом. — Но ты ведь у меня не занималась? — Она сразу перешла на «ты», как со старой знакомой.

— Не-а... Я спортом больше — лыжами там, легкой атлетикой. Но все ваши представления всегда смотрела. Мне нравилось.

— Вот и славно. Сейчас ужинать будем, я сегодня в честь нашего семейного праздника кое-что вкусненькое приготовила.

И она опять ласково посмотрела на мужа.

Он благодарно поцеловал ее в лоб и, извинившись, удалился к себе.

Марина прошла вслед за хозяйкой в свободную столовую, в которой не было ничего лишнего: большой обеденный стол, стулья, простой диван, настенный

телевизор, детские акварели на стенах. Необычной, непривычной была только большая икона Богородицы с лампадой, висевшая, как положено, в переднем углу.

— Матушка Наталья, мне надо переодеться... — умирая от неловкости, возманилась Марина. — У меня есть во что.

— Проходи в эту комнату. У нас здесь девочки живут. А мальчишки напротив. Места много, — перехватила ее вопросительный взгляд матушка, — две квартиры соединили, дали нам, как многодетным. У нас пятеро ребятишек, и для детей и для нас места хватает.

Марина присвистнула.

— Вот это да! Пятеро!

Матушка словно не услышала ее свиста.

— Ты переодевайся, не смущайся. У нас все просто. Там на комодке зеркало есть и расческа лежит. Сейчас ужинать будем. Я пока духовку включу, разогрею жаркое. Полдня возилась.

Матушка ушла. Слышно было, как отец Михаил плескался в ванной. Марина быстро переделась: стащила тесные джинсы и надела нарядную летнюю юбку, длинную, с кружевами по подолу. Подходящей блузки в ее гардеробе не было, пришлось натянуть тонкую футболку с какой-то длинной английской надписью на груди. Теперь она чувствовала себя значительно удобнее и успокоилась.

Про себя удивилась — надо же! Ни одного вопроса — зачем пришла, откуда взялась? Видимо, неожиданные, незванные гости были в этом доме обычным делом.

В столовую вошел отец Михаил, в светлом домашнем подряснике, такой необычный отец многодетного семейства, улыбнулся Марине. Сел на диван рядом с ней. Матушка вернулась с большой гладкой стеклянной вазой, поставив в нее гладиолусы, пояснила Марине, благодарно улыбнувшись мужу.

— Слава Богу, не забыл в хлопотах-то... У нас сегодня день венчания, восемнадцать лет прошло.

— Тяжело, наверно, с детьми? — понимающе покачала головой Марина.

— Конечно. Тяжело, — просто ответила матушка. — Особенно в первые годы было трудно. Дети маленькие, бытовых проблем — куча, мы ведь долго в съемной квартире жили. Муж служит, а я все время одна. Наши дети видят своего папу реже, чем прихожане храма своего настоятеля. Теперь старшие дочки подросли, слава Богу, помощниками стали. Мне сейчас намного легче. Вот и в детском доме успеваю драматическую студию вести.

Матушка поправила тяжелую русую косу, уложенную вокруг головы, привычным движением проверила, все ли шпильки на месте, и села напротив, положив на колени руки с коротко остриженными ногтями.

— Ну, вот. Пока ужин разогревается, поведай-ка нам свою историю, — отец Михаил повернулся к Марине и приготовился слушать.

— Че говорить-то... — только и вздохнула она. — И рассказывать-то нечего. С третьей смотровой пришла, и опять...

— Пролет фанеры над Парижем? — улыбнулся отец Михаил.

Марина не обиделась.

— Вот именно. То чердак, то подвал, а вот теперь в компанию алкоголиков определили.

— Ей дали смотровую на комнату в квартире Валентины, — пояснил отец Михаил жене.

— Я с этой Валентиной в одном классе училась, — вздохнула матушка. — А потом вот Бог сподобил в одном доме поселиться. Такая отличная девчонка была — загляденье! Добрая, услужливая. Ее все любили. А вот вышла замуж за этого алкоголика, он ее и сломал. Жаль ее очень, так жаль.

— У тебя завтра как со временем? — спросил отец Михаил, обращаясь к жене
— А что ты хотел?

— Я думаю, мы вот что сделаем. Завтра после литургии я должен пойти причастить Елену Ивановну. Думаю, Марину с собой взять. Сможешь с нами?

— Смогу, конечно. — Наташе не надо было ничего объяснять. Она понимала все сразу без лишних слов. — Мы вместе с ней и на литургию пойдем. Согласна? Марина растерянно пожала плечами.

— Если нужно...

Отец Михаил улыбнулся.

— Нужно, конечно. Это всем нужно. Ты в последний раз когда причащалась?

— Да я не помню... — неуверенно сказала Марина. — Вроде бы еще перед экзаменами.

— Вот видишь. Жизнь у тебя совсем новая началась, проблем много, а ты в храм не ходишь, помощи не просишь. У кого тебе еще помощи просить, как не у Господа нашего Иисуса Христа? Вот помолишься, причастись и пойдем к Елене Ивановне.

И пояснил:

— Есть у нас одна прихожанка, ей за девяносто лет уже. Одинокая, как перст. Живет в том большом доме, что напротив храма, в двухкомнатной квартире. Человек не слишком приветливый, можно сказать, тяжелый. И по возрасту, и по характеру.

Из дому по немощи своей давно не выходит, я, как духовник, ее на дому и соборую, и причащаю. Прихожанки часто навещают. Наталья Владимировна с нашей старшей дочерью Ксенией к ней заходит, помогает по дому.

Социальных работников Елена Ивановна всех разогнала да и на помощниц из нашего прихода фыркает, угодить ей трудно. Но нуждается в постоянной помощи, оставаться одна никак не может. Коли найдешь к ней подход, пообещаешь всю домашнюю работу выполнять, ухаживать за ней, может, и согласится тебя приютить. Но придется терпеть все ее капризы и причуды, сразу предупреждаю: тебе нелегко придется.

— Я мало что умею. В детском доме нас домашним делами не слишком загружали.

— Научишься. Было бы желание. А самое главное — терпение, терпение, терпение... Это, милая девушка, одна из самых основных христианских добродетелей.

Елена Ивановна, между прочим, бывшая балерина. И очень хорошая балерина. Во время войны была в ногу ранена, больше танцевать не смогла. Но не сдалась. Выучилась на библиотекаря. Долго заведующей нашей городской библиотекой была. Я еще мальчишкой у нее книжки брал. Судьба у нее — не позавидуешь. Но, если поладите, у нее многому научиться можно. Не только на кухне управляться.

— А если она не захочет меня принять?

— А мы постараемся ее убедить, — улыбнулась матушка.

— Я ведь не ваша прихожанка.

— Это не имеет значения. А ты вообще-то крещеная?

— Наверно.

— Почему «наверно»?

— Меня нашли с крестиком на шее.

Тонкая футболка скрывала маленький серебряный крестик на новой блестящей цепочке.

— Вот с ним. — Она показала его священнику. — Вы ведь это знаете: у нас в детдоме всех найденышей крестят. А меня не крестили. Из-за крестика. Цепочка несколько раз рвалась, потом я ее вообще потеряла, но крестик был всегда при мне. А эту цепочку наша заведующая Ольга Сергеевна мне на выпуск подарила.

— Сколько тебе лет было, когда тебя нашли?

— Лет пять-шесть, наверно.

— Ну, это уже возраст. Ты кое-что могла о себе рассказать.

— Не-а. Меня в какой-то далекой стране, в Таиланде, кажется, на берегу океана нашли. После цунами. Говорили, волны меня вынесли вместе с какой-то хижинкой. Я за ее дверь зацепилась. Пальцы так судорогой свело, что еле разжали.

Я тогда с перепугу дар речи потеряла, только мычала, ни имени, ни фамилии. Как уж местные поняли, что я русская, — не знаю. В Россию отправили через консульство. Это мне Ольга Сергеевна недавно рассказала. Перед выпускным вечером. Она запросы несколько раз посылала по разным инстанциям. Никого не нашли. Утонули, наверно, мои родители.

А я еще несколько лет нормально не разговаривала. Меня даже хотели в специнтернат направить. Потом постепенно все выровнялось. Я ведь даже своего настоящего имени не знаю. Мариной меня в детдоме назвали, потому что на берегу моря нашли.

Марине постелили в девичьей детской. От матушки Натальи веяло таким покоем, уверенностью и добродушием, что и Марине рядом с ней стало как-то покойно и тепло. Это был первый семейный дом, в котором она оказалась после долгой детдомовской жизни и последних скитаний. Дом, где ее приютили, согрели и обещали помочь. И будущее уже не казалось ей таким беспросветно-неопределенным. Едва она прикоснулась к подушке, как словно поплыла куда-то и через минуту отключилась совсем.

В квартире было светло и тихо, на улице под окном звонко чирикали воробьи. Солнце стояло где-то высоко над маленьким балконом, и только его лучи, отраженные от стекол соседних домов, радужным веером рассыпались по старому истертому паласу.

В ее доме все было старое: и потрескавшаяся полированная мебель, и скрипучая, постанывающая под ее хлипким телом кровать с прикроватной тумбочкой в комплекте. И давно немытая стеклянная люстра. И стоявший в гостиной за потускневшими дверцами серванта, подаренный ей сослуживцами на очень давний юбилей, чайный сервиз.

А еще старыми, и даже старинными, были книги. Простой длинный стеллаж, тянувшийся вдоль стены столовой, был заставлен книгами, стоявшими на полках в два ряда, а то и сложенными стопкой друг на друга. Ее любимые книги, которые скрашивали теперь ее одиночество.

Только шторы в ее доме были совсем новыми. На их покупке настояла матушка Наталья. Они долго выбирали по каталогу плотность и расцветку ткани, и наконец Старуха выбрала ту, которая была ей по душе. Шторы были болотного цвета с красивой серой полосой. Старый пожелтевший тюль тоже пришлось заменить. Она не сразу привыкла к этим переменам, но теперь они ей даже нравились.

Старуха любила свежий воздух и спала с открытой форточкой даже зимой, завернувшись до самого носа в пуховое одеяло. Сейчас легкий теплый ветерок с улицы покачивал новую тюлевую занавеску, и дышать сегодня было на удивление легко.

За окном ворковали голуби. С голубями она дружила много лет, хотя все время приходилось отмывать запачканные стекла и подоконник. Едва она подкатывала в своем кресле к окну, как они слетались к ней тесной стаей, хлопая крыльями, толкаясь и пиная друг друга. На подоконнике всегда стоял тазик с перловкой, она открывала окно, высыпала крупу иногда прямо на головы птицам и ласково ругала их за жадность и недружелюбие.

— Ничего себе — «голуби мира», убить друг друга готовы за зерно... Да перестаньте вы клеваться, как не стыдно! Всем хватит...

По крайней мере, голуби были единственными Божьими тварями, которые в ней нуждались.

По выходным дням под любимый колокольный звон Старуха подъезжала к окну и до самого начала службы смотрела на прихожан, спешащих на литургию. Верующих людей в городе было очень много, и особенно это ощущалось по воскресеньям. Ей было и грустно и радостно наблюдать за ними. Иногда, несмотря на слабое зрение, она то ли узнавала, то ли угадывала в ком-то из них давних своих знакомых.

Старуха много лет жила одна и привыкла обходиться без посторонней помощи. Удобное инвалидное кресло всегда стояло вплотную к кровати. Она переползала с постели на его сиденье, поерзав несколько, располагалась в нем удобно и через специально расширенные проемы дверей почти без проблем дефилировала по просторной двухкомнатной квартире. Могла подъехать к входной двери и открыть ее редкому гостю, могла поставить чайник и разогреть еду.

Но годы делали свое. Нога, бывшая когда-то здоровой, теперь часто подворачивалась, когда, пересаживаясь в кресло, Старуха на нее вставала. Когда она раскатывалась по квартире, болели плечи и ныла спина, а уж как долгими бессонными ночами доставали ее боли в раненой ноге!

Так же быстро, как здоровье, портился ее характер. Кроме глубокой старости, атеросклероза и несколько лет назад пережитого тяжелого инсульта, тому было много причин: исковерканная войной жизнь, несложившаяся женская судьба, отсутствие дорогих и близких людей...

С годами все больше стирались в ее памяти прекрасные годы юности в Ленинграде, занятия с любимым педагогом в хореографическом училище, яркий дебют на сцене Кировского театра. Жизнь ее была такой долгой и утомительной, что иногда Старухе казалось, что все произошедшее до войны случилось не с ней, а с кем-то другим. Словно кто-то просто рассказал ей о тех счастливых годах, о которых она почти перестала думать.

Даже о работе в любимой библиотеке она вспоминала все реже. А ведь это было прекрасное время: работа приносила ей радость, она ощущала себя нужной людям. Елена Ивановна Бахтина была все время на виду — все-таки заведующая городской библиотекой. Она участвовала в городских и областных конференциях и пленумах, организовывала и проводила читательские встречи, создала прекрасное литературное объединение, которое получило признание по всему Уралу.

Стареющая на глазах мама требовала внимания и заботы, но, пока она была жива, Елена Ивановна чувствовала себя семейным человеком. Можно было подолгу рассказывать старушке о новых интересных книгах, о докладах на последней конференции и читать ей короткие рассказы из нового журнала.

В редкие выходные они не спеша прогуливались в городском парке и посещали службы в храме. Но мама давно, очень давно оставила этот мир, любимую библиотеку переселили в новое здание на другом конце города, ездить туда с больной ногой изрядно постаревшей Елене Ивановне было невозможно, и она уволилась.

О бывшей заведующей очень скоро забыли, а она год за годом стала все глубже погружаться в бездну одиночества и болезней. Мир ее в конце концов сузился до размеров квартиры, только любимые книги позволяли покидать ее пределы.

Она все больше и дальше удалялась от людей, которые ее теперь раздражали. Тем, кто пытался по долгу службы или по доброй воле скрасить ее одиночество, искренне поддержать, помочь, было с ней очень непросто. Возле ее постели сменились несколько женщин из социальных служб. Они добросовестно выполняли свои обязанности, ходили в магазины, готовили еду, убирали в квартире, даже гладили постельное белье — но Старуха была всегда чем-то недовольна: то купленное мясо скверное, то каша пригорела, то наволочка плохо выглажена.

Социальные работницы недолго выдерживали ее капризы, часто сменяли друг друга, отказывались от такой неблагодарной клиентки.

Помочь ей пытались и пожилые женщины из прихода, сами прожившие нелегкую жизнь — все напрасно. Она постоянно их подозревала в мелком воровстве, обвиняя то в пропаже старых кружевных салфеток, а то и какого-то одеяла. Вряд ли она в самом деле считала их нечистыми на руку, но, обижая других, вымещая на них всю горечь своего нынешнего существования, чувствовала непонятное странное удовлетворение.

Был только один человек, которого она чтит и даже побаивалась, — ее духовник, настоятель храма отец Михаил. Они знали друг друга много лет, на его глазах она старела все больше и больше, но и батюшка не молодел, с годами набирался житейской мудрости, тонкости в общении со своей паствой, умения понимать и прощать людей.

Когда Старуха после тяжелого инсульта уже не смогла посещать храм, когда с ней еще занимался логопед и только понемногу начали появляться движения в парализованной руке, он стал приходить к ней со Святыми дарами, исповедовал, иногда соборовал. Она звонила ему в храм, они договаривались о встрече, батюшка приходил в условленное время, и они, как старые друзья, подолгу разговаривали обо всем. Отец Михаил всегда находил темы для беседы, иногда духовной, иногда мирской.

Но вчера вечером он неожиданно позвонил сам, спросил позволения прийти, и не одному, а в сопровождении матушки и прихожанки. Старуха не любила чужих людей, быстро от них уставала, но отказать священнику, к тому же единственному своему другу, не смогла.

Как обычно, звонок в дверь раздался в точно назначенное время. Старуха неспешно пересела с постели в инвалидное кресло, подкатила к входным дверям, отперла несколько замков и без улыбки поздоровалась со своими визитерами. Матушку Наталью она хорошо знала, а вот эта молодая девица...

Марина на всю жизнь запомнила этот ледяной оценивающий взгляд.

— Не робей! — успела шепнуть Марине на ухо матушка, крепко сжав ее плечо.

Они скинули с ног легкие босоножки и босиком последовали в комнату вслед за хозяйкой, лихо развернувшей свое скрипучее инвалидное кресло.

Старуха так и осталась в нем сидеть, положив костлявые кисти на кожаные подлокотники. Отец Михаил благословил ее и опустил на стул рядом.

— А мы, Елена Ивановна, к вам не с пустыми руками, — с несколько поддельным оживлением сказала матушка Наталья. — Мы с Маришкой с эклерами к вам пожаловали. Я ведь знаю, что вы эклеры любите.

— Ишь ты, — поджала губы Старуха. — Все-то вы знаете! Ну, так ставьте чайник, заварка в буфете, заварите свежего чаю, у меня там старый. Чашки из сервиза возьмите, найдете, небось, не в первый раз.

— Найду, найду! — приветливо отозвалась матушка, увлекая Марину за собой в кухню, где многозначительно ей подмигнула.

Старуха специально отправила неожиданных гостей из комнаты. Вялое любопытство немного расшевелило ее. Захотелось узнать, зачем отец Михаил привел к ней эту девицу. А он не спешил, видимо, не зная, с чего начать. Поговорили о здоровье, о нынешнем лете, утасаящем за окном.

Потом он аккуратно поставил дароносицу на освобожденный журнальный столик подле ее постели и приступил к выполнению своего долга. Очень сложно исповедовать такого человека, как Елена Ивановна: запертого до конца дней своих в четырех стенах, вымещающего на случайных людях горечь одиночества. Наконец отец Михаил причастил ее.

За время проведения таинства Старуха изрядно устала, но так и осталась сидеть в своем кресле.

— Ладно, отец Михаил, дипломат вы мой... Говорите, зачем вы эту девицу с собой привели?

Отец Михаил улыбнулся в заметно поседевшую бороду. Борода его приобрела серебристый оттенок, о котором говорят «благородная седина», за последние пару лет из тех восемнадцати, что она его знала. Старуха почувствовала тепло его мягкой руки на своей высохшей кисти, свисавшей с кожаного подлокотника.

— Елена Ивановна, помогите девушке. Сирота она, выпускница детдома. Жить ей нигде. Приютите на время, сделайте богоугодное дело... Государство детдомовцев обязано жильем обеспечить. Закон такой. Но с жильем в городе очень плохо, пока у нее не получается. Но у нас в храме очень серьезный юрисконсульт, я уже переговорил с ним. Он готов помочь. Я уверен, что со временем нормальная комната у девочки будет.

Неспешно отец Михаил рассказал Старухе краткую историю жизни Марины, которую узнал накануне.

Она слушала его, не перебивая, но как только он замолчал, поджала тонкие губы и решительно мотнула головой.

— Нет, нет, отец Михаил. Даже не думайте! Как это я впущу квартирантку, о которой в первый раз слышу. Вы сами ее вчера знать не знали, а сегодня в мой дом на постой определяете. Простите, сделайте милость, но у меня не богадельня и не ночлежка для бездомных. Почему вы вдруг решили, что ко мне можно привести с улицы кого угодно?

Старуха не только рассердилась, она обиделась.

Отец Михаил внимательно посмотрел на нее.

— Позвольте, я вам одну легенду расскажу.

— Легенду? — удивилась она и пожала костлявыми плечами. — Что же, расскажите легенду.

— Один старец задал своему духовному чаду три вопроса: «Какое время самое главное в твоей жизни? Какой человек самый главный в твоей жизни? И какое самое главное дело в твоей жизни?» Не смог его ученик сразу ответить на эти вопросы. История эта длинная, подробности я рассказывать не буду, но ответы были такими: самое главное время — нынешнее, потому что прошлого уже нет, а будущее будет ли — неизвестно. Самый главный человек тот, который сейчас стоит перед тобой. А самое главное дело — это то, которое ты можешь сделать для этого человека.

Священник замолчал. Старуха тоже молчала, глядя куда-то в сторону.

Он повторил свою просьбу еще раз мягко, но настойчиво.

— Елена Ивановна, приютите девушку. Воспитания она сурового, к послушанию приучена. Вам во всем будет помощница, и в магазин, и по дому что — все сделает. Это будет поистине христианский поступок.

— Я примерной христианкой не была последние лет тридцать, и вам, мой дорогой духовник, это известно более, чем кому-либо, — почти сдаваясь, произнесла Старуха.

Наотрез отказывать она больше не решалась.

— Я подумаю, — сказала едва слышно, так и не решившись посмотреть ему в глаза.

— Так ведь ей еще вчера некуда было деваться. Она у нас ночевала.

— У вас? — Она помолчала. — Ладно, позовите. Я с ней поговорю.

Отец Михаил прошел в кухню, спокойно сказал Марине:

— Ступай, Елена Ивановна поговорить с тобой хочет.

Матушка быстро перекрестила Марину, достала из кармана свою расческу и пригладила ее белесые вихры. Шепнула ей на ухо:

— Ну, с Богом! Как бы и что бы она тебе ни говорила — терпи. Учись христианскому смирению. И не свисти. Сделай милость!

Марина робко вошла в комнату. Старуха впиалась в нее взглядом. Переодевшаяся в доме священника и причесанная Марина выглядела вполне пристойно.

— Как тебя зовут?

— Марина. Марина Найденова.

— Найденова, значит. После войны многие дети были Найденовы... Ну, так и чем ты мне можешь быть полезна? Допустим, с пылесосом ты справишься. Стиральную машину включить сможешь, если я тебя научу, в магазин сходишь, продукты купишь, если деньги на свои прихоти не потратишь. Ну а есть приготовить, суп там, кашу сможешь?

— Я купила сегодня кулинарную книгу. Я постараюсь.

— Постараюсь, значит... Ну, ладно. На первое время яичницей с сосисками обойдемся. Ты не куришь?

Марина затрясла головой.

— Не-а!

— И не пробовала?

— Пробовала, конечно. Еще в шестом классе. Только меня сразу вырвало тогда. И после этого меня от запаха табака тошнит, я на сигареты смотреть не могу.

— Ну и слава Богу! А наркотики тоже пробовала?

— Я че — совсем ненормальная?

Отец Михаил с трудом сдержал улыбку. Наташа спряталась за дверь кухни.

— Это я скоро пойму, — продолжала Старуха свой допрос.

— А как у тебя с деньгами? Ты меня тут не обчистишь?

Марина вспыхнула, покраснела, чуть было не всплила, но сдержалась.

— У меня кредитная карта есть. Нам в детдоме выдали. Мне денег хватает.

— Вот как... А учиться не думаешь?

— Пока не знаю. Некогда было думать. Надо было сначала жилье найти.

— Думать, моя дорогая, всегда надо. Тем более тебе, поскольку по твоему поводу больше некому задумываться.

Марина устала быть смиренной, ответила, упрямо тряхнув головой:

— Я хорошо закончила школу. Я, наверно, в медицинский колледж пойду.

Старуха удовлетворенно кивнула.

— Ну, что ж.. А жить на что собираешься? Твоих детдомовских денег, я думаю, надолго не хватит.

Марина пожала плечами.

— Опять не думала? Коли в медики решила податься, так иди в больницу санитаркой. Ну, и чего морщишься?

— Я че-нибудь другое поищу. Не хочу горшки выносить.

Матушка Наталья, стоявшая опять в дверях кухни, погрозила Марине пальцем.

— Ишь ты какая аристократка! — презрительно произнесла Старуха. — А медику именно с горшков начинать надо. А если в моем доме останешься, скоро и за мной ночные вазы выносить придется.

Марина вздохнула, сдаваясь.

— Я подумую.

— Тут и думать нечего. В больнице — ночные дежурства. День будет свободный и для учебы, и для работы по дому.

Неожиданно раздался звонок в дверь.

— Открыть, Елена Ивановна? — спросила матушка.

— Вообще-то я больше никого не жду. Ну, да пусть она откроет. — Костлявый палец указал на Марину. — Учти, замки у меня хитрые, потренируйся, коли здесь

жить собираешься. Спроси, кто там, и в глазок посмотри, прежде чем дверь распахивать.

Марина вышла в прихожую. Священник, присутствовавший при разговоре, вопросительно посмотрел на Старуху. Она покачала головой.

— Ой, не знаю, отец Михаил. Ой, не знаю... Дикая она какая-то.

Марина с замками разобралась неожиданно быстро. Заглянула в дверной глазок. За дверью, искаженные увеличительным стеклом, стояли мужчина и женщина средних лет. Марина спросила:

— Кто там?

Последовала довольно долгая, растерянная пауза. Потом мужской голос прознес:

— Мы к Елене Ивановне.

Марина нерешительно открыла дверь. У мужчины в руках был огромный букет садовых цветов, очевидно, привезенных с дачи. Женщина держала круглую коробку с тортом.

— Это мы, Елена Ивановна! — зычно крикнул мужчина поверх Мариной головы, входя в прихожую. — Сергей и Светлана!

Вошедшая женщина просверлила Марину ледяным взглядом.

Никому неведомые мысли пробежали по лицу Старухи. Она то ли обрадовалась, то ли огорчилась. Внимательный психолог, наверно, уловил бы в ее глазах и отблеск злорадства.

— Проходите сюда, — сказала она громко и закашлялась. — Что там с чаем, матушка?

— Так у меня давно все готово, Елена Ивановна.

— Доставайте еще две чашки, несите сюда!

Матушка вошла с подносом, быстро накрыла чай на журнальном столике на колесах рядом с кроватью Старухи.

— А ты, девушка, чего ждешь? — Повернулась та к Марине. — Поставь цветы в ту голубую вазу, которая там на серванте. Видишь? За цветы спасибо, — повернулась она к очередным своим гостям. — Ну а торт — это лишнее. У нас пирожные есть.

Тем не менее торт был втиснут между чашек. Он так и остался завязанным розовой ленточкой из фольги.

С цветами Марина справилась быстро и вопросительно посмотрела на Старуху. Та наконец сделала широкий жест, приглашая к чаю всех присутствующих. Тесно сдвинувшись коленями вокруг журнального столика, гости Старухи притихли.

— Все сели? — Словно режиссер, оглядела присутствующих хозяйка. В ее голосе теперь звенели хриплые, откровенно злорадные нотки. — Самое время вас друг другу представить.

Она начала со священника и пошла по кругу.

— Это духовник мой, старый друг, отец Михаил. Это — матушка Наталья, частенько мне помогает...

— Мы у вас встречались, — буркнул себе под нос мужчина. Его спутница молча кивнула.

— А девушка эта... — Старуха нарочно сделала длинную-длинную паузу, предчувствуя, какой эффект произведет ее следующая фраза. Мужчина и женщина буквально впились в нее взглядом. — А девушка эта — я только что узнала, что зовут ее Мариной, а девушка эта будет теперь здесь жить. Поскольку она детдомовская и крыши над головой не имеет, то будет у меня кем-то вроде Золушки, будет на меня работать, чтобы кров свой оплатить...

Марина побагровела, матушка, тесно прижатая к ней бедром, искоса многозначительно взглянула на нее.

— Ну, вот, — усмехнувшись, продолжила Старуха. — Осталось только представить вас, Сергей, и вас, Светлана. Это — мои риелторы.

Правда, договор я с ними, слава Богу, так и не подписала, хотя за горло вы, мои дорогие, меня крепко держали целых три года.

Она устала от собственного длинного монолога и, откашлявшись, закончила:

— Поскольку эта девушка будет теперь выполнять всю работу по дому, то я более ни в чьих услугах не нуждаюсь. Пенсия моя, как вам известно, немалая, при моем полупостельном режиме на жизнь мне с лихвой хватает, и потому наши с вами столь длительные переговоры заканчиваются сегодняшним славным днем.

Старуха с большим трудом договорила эту длинную и витиеватую фразу и, переведя дух, победно взглянула на своих незваных гостей.

Мужчина так резко встал, что опрокинул стул. Он с такой силой пнул его ногой, что стул отлетел в сторону и ударился ножкой о шкаф.

— Какого черта вы нас столько времени за нос водили?! Пошли, Светлана!

Старуха так рассердилась, что голос ее прозвучал неожиданно громко и безапелляционно.

— А ну, молчать! В моем доме священник, так что придержите язык, молодой человек.

Но потом она вдруг рассмеялась сухим раскатистым смехом. Потратив на него последние силы, опять закашлялась, замахав руками.

— Мне интересно было с вами поиграть в кошки-мышки. Скучно одной-то. А я, оказывается, до сих пор не потеряла интереса к человечеству.

И она снова засмеялась своим колючим смехом.

В прихожей громко хлопнула дверь.

Отец Михаил спокойно встал и поставил упавший стул на место.

— А торт-то... — спохватилась Старуха. — Ну-ка, Марина, догони их. Верни торт!

Марина выскочила на лестницу, крикнула куда-то вниз, откуда доносились тяжелые шаги и злые голоса.

— Вы забыли свой торт! Возьмите!

В ответ она услышала грубое мужское ругательство, тут же злобно подхватившее женщиной.

Когда она вернулась в комнату с тортом в руках, Старуха ткнула пальцем на прежнее ее место и продолжила свои объяснения отцу Михаилу.

— Откуда они про меня узнали — не представляю, кто-то навел, видимо. Всю родословную вынюхали, до десятого колена проверили, удостоверились, что наследников нет. Чего только ни обещали после подписания договора — золотые горы.

Врать не стану: продукты, лекарства на мои деньги покупали. Квитанции всякие оплачивали вовремя. Но эти услуги мне и соседи без проблем оказывали. Честно говоря, иногда я задумывалась: а может быть, и правда, будут ухаживать, помогать, в храм на службу привезут, куда-нибудь на природу подышать. А потом, как взгляну на эти физиономии — в глаза не смотрят, переглядываются все время.

Я же артистка, всегда вижу: искренний человек передо мной или притворяется. Так наши переговоры и затянулись на годы.

Старуха взглянула на священника, сказала тихо:

— Я ничего бы не сделала без вашего благословения, отец Михаил. Это было так... Все какое-то развлечение. Вы со своей Мариной все точки над «и» поставили. И на том спасибо! Ну и хватит об этом. Поставьте-ка, матушка, чайник заново, вылейте этот из чашек. Остыл совсем.

Гости ушли скоро. Марина отправилась вместе с матушкой в дом священника за вещами, отец Михаил — по своим приходским делам. Старуха, заперев за ними

тяжелую дверь, собрав последние силы, переползла из инвалидного кресла на свое ложе. Тянулась на постели и устало закрыла глаза.

Чего ждать от совместной жизни с этой детдомовкой? Она с трудом вспоминала себя в ее возрасте. Конечно, в свои восемнадцать лет она, Леночка Бахтина, была совсем другой. И жизнь ее невозможно даже сравнить с жизнью этой девчонки. Потянуло в сон, и Старуха как-то сразу провалилась в свое прошлое.

И откуда-то из небытия она вдруг услышала давно забытый резкий голос педагога.

— Еще раз так прыгнешь, внизу рухнет потолок, будешь ремонтировать за свой счет. Сначала!

Яркий электрический свет заливал репетиционный зал. Балетный станок, «палка», тянется вдоль стен хореографического класса. Их только трое — педагог, ученица и концертмейстер за роялем.

Как все-таки Леночке повезло: она — ученица лучшего педагога в училище. И более того: она считается одной из самых любимых учениц. Но любовь наставницы выражается по-своему: она заставляет своих любимчиков работать до изнеможения.

Леночка танцует, но закончить не успевает. Педагог резко опускает руку на клавиатуру фортепьяно, останавливая аккомпаниатора.

— Еще раз стукнешь ногой, выгоню из класса. С того же места! И...

Леночка очень старается прыгнуть так, как от нее требуют. Собралась, сконцентрировалась. Прыгнула. Кажется все в порядке. Довольная, она смотрит на любимую наставницу, ожидая поощрения. Но слышит ее спокойный голос:

— Стука нет, но и прыжка нет. Еще раз!

И тут прозвенел короткий, но резкий звонок. Потом еще один. Что это? Звонок после антракта в зрительный зал? Нет, это что-то другое. Тот звонок звучал совсем по-другому.

Старуха проснулась. В комнате царил сумрак летнего вечера. Легкий ветер покачивал новую штору. Она зажгла бра над своей кроватью и села на постели. Звонок прозвучал снова, теперь еще более громкий и длительный. Это пришла Марина. Пришла насовсем.

Распахнув перед девушкой новую металлическую дверь с пятью тяжелыми замками, словно в сейфе, Старуха окинула ее ироническим взглядом — перед ней стояла испуганная девица в джинсах с прорезами на коленях, с голым животом и с вялым напоминанием о давней стрижке на взлохмаченных, обесцвеченных перекисью волосах.

— Насколько я понимаю, это последний писк молодежной моды? — ядовито спросила она.

Марина, растерявшись, ничего не ответила.

Старуха отъехала назад, пропуская свою квартирантку в прихожую.

— Это все твои вещи? — указала она на ее новый пухлый рюкзак.

Марина смущенно кивнула.

— Небогато... — поджала губы Старуха и покатила в комнату.

Здесь она круто развернулась и коротко изложила свое кредо:

— Как видишь, комнат у меня две, порядок ты будешь поддерживать в обеих, но это вовсе не значит, что одна из них будет твоя. Спать ты будешь в кухне. Диванчика, что там стоит, для тебя вполне достаточно. Под ним — большой вместительный ящик, вещей у тебя не шибко много, все поместится. Не вздумай разбрасывать свою обувь, терпеть не могу чужие запахи. Что нужно делать по дому — будет

ясно по ходу дела. За тобой уборка, кухня, магазины и все прочее. В туалет я пока хожу сама. — Она грустно усмехнулась и повторила: — Пока...

Два-три раза в неделю я принимаю ванну, поможешь мне помыться. Пере-стелить постель — это обязательно. — Она перевела дух, подумала и добавила устало: — Пропишем тебя временно. На год пока, потом видно будет.

— Спасибо... — только и сказала Марина.

Старуха бросила на нее быстрый косой взгляд.

— Неси свои вещи в кухню, устраивайся, а потом давай ужином заниматься. Там в холодильнике есть кое-что для начала.

Она подъехала к своей кровати и хотела было перебраться на нее, но спохва-тилась, что не сказала кое-что важное.

— Ты, Марина, твердо запомни: дома всегда переодевайся, ходи подтянутой, причесанной, с чистыми руками и коротко обрезанными ногтями. Завтра я твою одежду просмотрю, подберем тебе что-нибудь для дома. Душ принимай два раза — утром и вечером. Мой дом — не конюшня, знаю, как от молодых потом несет. Учти — я брезгливая.

Марина побагровела.

— Чего краснеешь? Я что, неправа? Моя наставница по хореографии из ре-петиционного зала нас выгоняла, если только почувствует запах пота. А тогда из дезодорантов была только одна вода из-под крана. Это сейчас их миллион. Да... паспорт свой вот сюда положи. — Она выдвинула маленький ящик тумбочки, ко-торая стояла подле ее кровати. — Здесь лежат все мои документы и паспорт мой тоже. Не забывай об этом. Не теряйся, ежели что...

— Ежели что? — не поняла Марина.

— Напряги свой умишко-то. Ежели, значит, я помру неожиданно. Свой-то паспорт положи, пока я не забыла. Надо будет — возьмешь на время, потом опять сюда же и положишь. Ну, ступай, разбирай свое имущество.

Уже после домашней вечерней молитвы, заплетая на ночь тяжелую густую косу, Наташа вздохнула облегченно.

— Слава Богу, Елена Ивановна согласилась девочку принять. Я так боялась, что она упрется.

В квартире было по-летнему душно. Отец Михаил распахнул настежь окно и устало опустился на постель. Неожиданно улыбнулся.

— Знаешь, одного умирающего старца его духовные чада спросили: что ему, такому мудрому, осталось непонятным в этом мире? Он ответил, что не понял только одного: это плохой человек совершает хороший поступок или хороший человек поступает плохо? — Он вздохнул и покачал головой. — Я Марину у Елены Ивановны оставляю с большим сомнением. Уживутся ли? Слишком они разные.

— Да, — согласилась Наташа. — Как их отношения сложатся — только от них зависит. Насколько обоим хватит христианского смирения и терпения, конечно.

— Будем молиться за них.

— Обязательно будем.

День сегодня для Старухи выдался непростым. Она устала и, наверно, поэтому никак не могла заснуть. Очень трудно было примириться с мыслью, что теперь в ее доме будет жить совсем чужой, посторонний человек, эта весьма вульгарная девица. Она не могла отказать отцу Михаилу, просто не могла, и все! А теперь придется терпеть и привыкать.

Давно погас свет в кухне. Марина быстро утомилась, только жалобно скрип-нул под ней старый диванчик, а Старуха еще долго лежала неподвижно с закрытыми глазами. Воспоминания о счастливых довоенных годах, нахлынувшие на нее днем,

когда она была такой же юной, как эта незнакомая ей девчонка, посапывающая в кухне, вернулись снова.

Тогда ей, Леночке Бахтиной, будущее представлялось таким светлым и радостным. Хореографическое училище она окончила с блеском. Ее драматический талант, умение неистово работать, ее творческую эксцентричность, темперамент и легкий характер педагога заметили давно. На выпускном спектакле она сразила наповал всех скептиков и была принята в труппу Кировского театра.

В корифейках* она задержалась недолго, ее быстро стали вводить во многие «групповки» текущих балетных спектаклей: и в пятерки, и в тройки, и даже в двойки. Ее стала замечать балетная критика, в каких-то рецензиях несколько раз мелькнула ее фамилия. И доброжелатели, и завистники, которых с избытком хватает в каждом театре, шептались за ее спиной, что она вот-вот получит партию в каком-нибудь балете основного репертуара. А может быть, и не одну.

И Петя Орлов, ее единственная любовь, преданный друг и партнер был рядом. Он тоже считался очень перспективным, талантливым танцовщиком, ему тоже прочили блестящее будущее. А творческий их дуэт сложился еще в училище, в выпускном классе они были уже неразлучны и в жизни, и на сцене.

Но, к несчастью, подарки от благосклонной судьбы закончились очень быстро.

Грянула война. Падать с небес на холодную военную землю, терять такое яркое, перспективное будущее, бояться не только за себя, но и за отца-офицера, ушедшего на фронт двадцать третьего июня тысяча девятьсот сорок первого и пропавшего на полях сражений, за растерявшуюся без него маму, работавшую концертмейстером с вокалистами театра — это было так больно, так неожиданно, так несправедливо! Она повзрослела мгновенно. Тогда, в июне сорок первого, Лене Бахтиной исполнилось двадцать лет.

Ленинградцы про любимый театр забыли. На объявленный в июньской афише балет «Лебединое озеро» было продано всего тридцать билетов, и спектакль отменили.

В августе театр эвакуировался в Молотов, на Урал. На сборы было отпущено три дня. Из Ленинграда уезжали полторы тысячи работников сцены и две тысячи членов их семей. Посадочные талоны на себя и родных все получали в длинной-предлинной очереди в администрации театра.

Потом, вслед за другими, они с Петей вошли в сырой полутемный зрительный зал. Казалось, что все артисты театра, вся балетная и оперная труппы, все осветители, костюмеры и реквизиторы собрались здесь.

Всегда такой праздничный, сверкающий золотом зал теперь был похож на траурный пантеон. Все стояли молча, словно на похоронах. Спотыкаясь о торопливо скатанные ковровые дорожки, они с Петей протиснулись к любимой сцене, запертой от них непроницаемым железным занавесом. Этот холодный бесчувственный металл словно разделял их жизнь на «до» и «после».

Кто-то из девочек кордебалета громко всхлипнул. Лена резко оглянулась, пригвоздила ее к месту холодным взглядом — интуитивно понимала, чувствовала, что главные слезы будут потом. Сейчас надо было быть собранными и сильными.

А потом был вокзал. И теплушки, теплушки. Больше восьмидесяти теплушек. Кто уезжает, кто остается — понять было невозможно. Это был сплав горя, растерянности, неизвестности. Вот где было место слезам настоящего прощания, все понимали — может быть, навсегда...

Наконец бесконечный состав тронулся, еле-еле зашевелились вагоны. Поезд очень медленно набирал скорость. Разве они с Петей знали, что ждет их впереди?

* *Корифейка — танцовщица кордебалета, занимающая первые места в группе танцующих.*

Они еще толком не успели привыкнуть к этому страшному слову — «война». Не знали, сколько она продлится, что произойдет в их жизни и в судьбе. Начиналась другая жизнь, к которой они совсем не были готовы.

Марина, по наставлениям матушки Натальи, изо всех сил старалась приспособиться к новой жизни. Она твердо решила не обижаться на резкие, язвительные замечания Старухи, молча выполнять ее капризы, стараться пропускать мимо ушей колкости.

Жизнь в детском доме строилась между двумя понятиями — «надо» и «нельзя», постоянные одергивания, замечания и наставления были ей хорошо знакомы. Марина привыкла подчиняться. Главное — у нее теперь была крыша над головой, в кармане позвякивали ключи от квартиры, в которой было достаточно уютно и тепло...

Матушка Наталья, с которой они частенько перезванивались, сказала, что отец Михаил не оставляет хлопоты о ее комнате. Приходской юрист уже побывал у главного прокурора города и записался на прием к губернатору. Надежда получить собственное жилье придавала силы, и, когда Старуха уж слишком допекала ее своими придирками, Марина успокаивала себя тем, что пребывание в этом доме временное и надо просто немного потерпеть.

Она легко поступила в медицинский колледж, затем, не без колебаний, конечно, на работу санитаркой в травматологическое отделение муниципальной больницы. График получился очень плотный. Если бы еще год назад в выпускном классе ей сказали, что она будет жить в таком сумасшедшем ритме, она бы не поверила.

Теперь Марина не знала, когда начинаются сутки. Наверно, вечером, когда она прибегала на дежурство. Как ни странно, с безразличностью по поводу выноса суден и перестилания простыней после тяжелых лежачих больных, она справилась довольно быстро. Победило откуда-то возникшее в ней сострадание к беспомощным людям, которые из-за тяжелых травм или операций не могли обходиться без посторонней, без ее, Марининой, помощи.

Больные были разные: старые и молодые, добрые и злые, покладистые и капризные. Но они были больными! Иногда очень тяжелыми, как та пожилая женщина после ДТП, с четырьмя оперированными конечностями. Днем возле нее дежурили какие-то люди, наверно, родственники, но за ночь Марина несколько раз заглядывала в палату: не надо ли дать попить или просто перевернуть на другой бок, потому что спина задеревенела... Какая уж тут безразличность!

Конечно, сначала не все проходило гладко: получала она серьезный разнос от старшей медсестры и за плохо вымытый пол в палате, и за не сданное вовремя грязное белье. Но постепенно все наладилось. Марина стала легко справляться со своей работой, и теперь сама иногда проявляла характер, принимая смену с недоделками у Веры Игнатьевны или бабы Тани.

Утром после дежурства она мчалась на лекции, на которых с непривычки засыпала от усталости; потом были практические занятия, на которых спать было невозможно.

Затем — опять бегом: сначала в магазин, оттуда домой, где вертелась как белка в колесе. Училась готовить еду, по неопытности портила недешевые продукты, пылесосила и гладила белье.

Анатомия, которую пришлось осваивать на первом курсе, давалась ей с большим трудом — подводила память, слабая с детства. Марина не расставалась с учебниками ни на кухне, пока готовила незамысловатые блюда для Старухи, ни во время ночных дежурств в больнице.

Вымыв после ужина палату, перестелив постели лежачим больным и сменив им на ночь памперсы, она забивалась куда-нибудь в санитарскую комнату или даже в ванную и зубрила. Зубрила, зубрила. Одна височная кость чего стоила с множеством отверстий, ложбинок и ямок!

Она даже мысли не могла допустить, что провалится на экзамене — не такая уж она тупая, как считает ее хозяйка. Пришлось срочно купить ноутбук и подключить Интернет, на что Старуха совершенно неожиданно дала благосклонное согласие. Денег на кредитной карте становилось все меньше и меньше, но Марина начала получать совсем небольшую санитарскую зарплату, и при ее весьма скромных потребностях средств на жизнь пока хватало.

Из-за своей загруженности Марина не замечала времени. Дни пролетали за днями. Ночные дежурства укорачивали сутки. Постепенно новая жизнь входила в определенное русло и становилась более ритмичной. И даже ядовитые замечания Старухи удавалось иногда пропускать мимо ушей.

— Не ходи чемоданом! — Иногда Марина даже вздрагивала от неожиданности, услышав в кухне резкий скрипучий голос из комнаты. — Ссутулилась. Руки впереди болтаются, как у орангутанга! Ты хоть изредка на себя в зеркало посматривай!

«Какое там зеркало! — стонала про себя Марина, снова утыкаясь в учебник. — Господи! Дай мне силы не свалиться под стол от усталости!»

И тут же слышала очередное ворчливое замечание:

— Опять напялила эту старушечью кофту! Сделай милость: не щеголяй в ней передо мной. Терпеть не могу такие кофты!

— А мне нравится! — не отрываясь от учебника, все-таки огрызнулась Марина.

— Значит, дорогая, у тебя дурной вкус.

— Наша директор детдома, Ольга Сергеевна, всегда в такой ходила. И мы ее любили в любой одежде.

— Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему... — сил подолгу спорить у Старухи не было.

А Марина покорно снимала кофту, запихивала ее куда-то в глубину ящика под диванчиком в кухне и забывала о ней навсегда.

— Марина! — раздавался опять хриплый голос из комнаты.

Она отрывалась от учебников, выглядывала из кухни.

— Че?

— Господи! Опять это «че»!

— Вы что-то хотели? — отвечала Марина, словно не слыша замечания.

В общем-то, ничего Старуха не хотела. Но тут же что-нибудь придумывала: полить цветы, вытереть пыль на подоконнике, ну и всякие другие, совсем необязательные дела.

— Ты, кажется, сегодня пылесосила в комнате?

— Да! Три часа назад.

— Плохо пропылесосила. На паласе бумажка как валялась, так и валяется. Значит, в том углу палас остался пыльным.

Марина только свистнула с досады.

— Не свисти в доме! — тут же слышался окрик.

— А что — денег не будет? — решила она съязвить.

— Деньги меня, дорогая, сейчас мало волнуют. Свистеть в доме просто неприлично. Есть простые понятия о том, что хорошо, а что плохо. Жаль, что тебя этому вовремя не научили.

В другое время Марина с удовольствием продолжила бы эту перепалку, но сейчас надо было заниматься и, подавив вздох, она покорно бралась за пылесос.

Рано утром она старалась собираться как можно тише, но непременно за что-то цеплялась или что-то роняла, получая за это заслуженные упреки и наказания.

Если она сдерживалась, отмалчивалась, Старуха не унималась, придумывая снова и снова, к чему бы придраться. Иногда Марине казалось, что Старуха це-

пляется к ней нарочно, просто хочет вывести ее из себя, заставить сорваться, нагнать. Порой так и подмывало нахамить, огрызнуться, сделать что-то назло...

Но она тут же спохватывалась: а дальше-то что? Уйти, хлопнув дверью? Куда? Вернуться в комнату без дверей с соседями-алкоголиками? Да и занята, наверно, уже эта комната. Куда ей тогда деваться?

Да и вообще... Зачем с ней препираться? Слабая, беспомощная, с таким скверным характером Старуха никому не нужна. Обе они никому не нужны. И, если было так Богу угодно — свести их вместе, значит, надо смириться и терпеть, как все время повторяют отец Михаил и матушка Наталья. А там — Бог даст, будет свое жилье.

Но однажды Марина все-таки не выдержала и, вздохнув, совсем по-взрослому произнесла:

— Ведь вы, Елена Ивановна, нарочно ко мне цепляетесь. Ну, чтобы я разозлилась, нахамила вам... Вы просто специально меня достать хотите. Зачем? Я ведь стараюсь.

И Старухе неожиданно стало стыдно.

Уже потом, когда Марина убежала на занятия, она долго размышляла над ее словами. Мысли двигались очень медленно, постоянно уходя куда-то в сторону, но в конце концов Старуха призналась себе, что она несправедлива.

Конечно, эта девочка должного воспитания не получила. Она неуклюжая, угловатая, с кошмарным подростковым сленгом, но, надо признать, очень неглупая. И, действительно, старается, выполняет все капризы своей домохозяйки, работает санитаркой не только в больнице, но и дома.

Одно купание в ванной чего стоит! Каждая последующая процедура давалась им обоим все сложнее. Марина раздевала ее в постели, усаживала обнаженную в кресло и подвозила к двери ванной. Здесь Старуха обхватывала цепкими тонкими руками ее шею, и эта девчонка, подхватив ее на руки, опускала хлипкое, высохшее от старости тельце в теплую живительную воду. Потом быстро мыла, купала ее, вытирала и укладывала в постель тем же способом.

Когда девочка спит — вообще непонятно. Сон у Старухи был поверхностным, она часто просыпалась ночью и, если Марина не дежурила в больнице, непременно видела за освещенной стеклянной дверью кухни склоненную над книгой, взлохмаченную голову своей «Золушки».

Иногда Старуха, желая подразнить, позлить девчонку, поминала эту сказочную героиню. Однажды Марина не выдержала, огрызнулась:

— Между прочим, Золушка вышла замуж за принца!

Старуха ядовито рассмеялась.

— Не обольщайся, дорогая! Тебе это не грозит. У тебя походка маляра, царский дворец просто рухнет от шарканья твоих шлепанцев. Когда ты ешь, то звякаешь ложкой о тарелку так, что звона колоколов нашего храма не слышно, а о твоей речи и говорить нечего — одно твое «че» многого стоит.

— Я уже так давно не говорю

— Слава Богу! Да и вообще современные принцы предпочитают девушек образованных, глубоких, а у тебя мысли коротенькие-коротенькие, как у Буратино.

Марина очередной раз подавила вздох. Откуда престарелой Старухе, уже много лет запертой в своей квартире, знать, каких девушек предпочитают современные принцы, и какой длины у нее мысли? Какой смысл спорить?

— Ну, и что замолчала?

Старухе было скучно, и, когда она чувствовала себя получше, она развлекалась такими вот словесными баталиями. Марина поднимала глаза к небу и исчезала за дверью кухни, откуда слышала сиплый голос.

— Ну, и чего глаза к небу закатила? Я что — неправа? И что это за привычка — глаза закатывать? Если с тобой кто-то разговаривает, надо собеседнику в глаза смотреть. В гла-за! Чего молчишь?

— Мне надо заниматься, Елена Ивановна...

И однажды добавила с горечью:

— Я не виновата, Елена Ивановна, что осталась сиротой. Я не виновата в том, что оказалась в детском доме, что рядом со мной не было родных людей, никого, кто научил бы меня хорошим манерам и помог бы мне стать интеллигентным человеком. Я не виновата в том, что получилась такой, какая сейчас есть.

И Старуха растерялась, не зная, что ответить. Действительно, в чем виновата эта девочка? Ее бы просто пожалеть, кто и когда жалел этого птенца, выброшенного в жизнь из коллективного детдомовского гнезда?

Но за долгие годы одиночества Старуха совсем разучилась кого-то жалеть, заботиться о ком-то. Какие-то давно забытые, добрые чувства вдруг вяло шевельнулись в ее душе. Она вдруг рассердилась на себя. Старая, мудрая женщина, неужели она совсем потеряла способность сострадать? Выходит, она не выдержала испытаний, которые послал ей Господь.

Она — ленинградская балерина и библиотекарь — не смогла остаться до конца своих дней интеллигентным, тонко чувствующим человеком, христианкой, наконец. И она дала себе слово больше не дергать девчонку по пустякам.

Когда к ней в очередной раз пришел отец Михаил, она, кажется, впервые искренно и от души каялась в своей несправедливости к Марине. Ему было нелегко с этой старой, немощной женщиной, не имевшей собственных детей.

Конечно, он понял ее настроение, но все-таки мягко повторил ей в тысячный раз, что между раскаянием и покаянием — огромная разница. Можно бесконечное количество раз раскаиваться в своих неблагоприятных поступках. И совершать их снова и снова. Покаяние — это решение навсегда отречься от своего греха. Приложить все внутренние силы к тому, чтобы никогда больше его не повторять.

Она много уже сделала для этой девочки, впустив ее в свой дом, совершив настоящий христианский поступок. Зачем же теперь постоянно заставлять ее раскаиваться за собственную добродетель? Долг христианина — ни для кого не быть проблемой.

Марину он видел редко, она была очень занята и почти не появлялась в храме, но если вдруг приходила на литургию, то на исповеди непременно каялась в том, что очередной раз сорвалась и наругала своей хозяйке. И те же слова о разнице в раскаянии и покаянии он твердил теперь этой девочке, не знающей, что такое война, потеря творческой профессии и беспросветное одиночество.

Он, пастырь, свел вместе эти две души, жаждущие любви и тепла, и теперь чувствовал себя ответственным за их совместное существование.

Хлопоты о жилье для Марины, кажется, подходили к благополучному концу. Город, в кои веки, строил новый многоэтажный дом, в котором решено было выделить для нуждающихся несколько социальных квартир. Даст Бог, одна из них достанется девочке — бумага с распоряжением по этому поводу была передана на подпись губернатору. Это будет не комната, а целая однокомнатная квартира! Отец Михаил до поры до времени не торопился сообщать об этом Марине, но часто обсуждал с Наташей это радостное событие.

Хотя на календаре мелькали уже последние дни декабря, город глубоко погрузился в мокрую, мрачную осень, которая никак не могла перейти в зиму. Марина возвращалась домой из магазина. Сгущались ранние сумерки, моросил противный снегодождь. Тяжелая сумка с продуктами оттягивала руку. Едва она вошла в свой

плохо освещенный двор, как ясно услышала позади себя шаги, звонко хлопаяющие по лужам.

Марина невольно оглянулась. Низко опустив голову, надвинув на лоб капюшон черной куртки, следом за ней шел какой-то мужчина. Он был довольно суетливый и смахивал на долговязого подростка. Она не была трусливой, но, когда в темном дворе кто-то наступает тебе на пятки, это не вызывает положительных эмоций.

Марина невольно ускорила шаг, человек, шедший за ней, тоже пошел быстрее. Она задержалась на пороге подъезда, торопливо ища в кармане ключ от домофона, и вдруг сзади получила довольно сильную затрепину. Она вскрикнула от неожиданности, но не упала, а резко повернулась к нападавшему. Чего-чего, а драться она умела. Удар зимним сапогом пришелся точно между его ног. Преследователь взвыл, скорчившись, и Марине ничего не стоило, ловко вывернув руку парня назад, развернуть его носом к стене. Да так сильно, что на мокрый асфальт закапали алые капли крови.

— Молодой человек, дышите глубже. Вы взволнованы! — Марина крепко прижимала его к стене дома острым коленом, но голос ее звучал насмешливо.

— Ладно... Пусти...

Она отпустила его руку, но сохраняла полную боевую готовность. Детдомовская закалка — всегда быть готовой к обороне — очередной раз выручила ее.

Нападавший повернулся, и тут она увидела его лицо.

— Колька! Найденов! Это ты? Ты что, совсем спятил?

Капюшон с головы парня сполз на спину и он, окончательно растерявшись, почти шепотом произнес:

— Маринка...

Он зажал окровавленный нос грязными пальцами, попятился и хотел было ретироваться, но Марина, бросив на землю сумку, крепко вцепилась в его рукав.

— Ну уж нет. Я тебя не отпущу, пока ты мне не объяснишь, что все это значит.

Она окончательно успокоилась и, потирая ушибленный затылок, открыла дверь подъезда нашедшимся наконец в кармане ключом от домофона. Затащив слабо сопротивляющегося Кольку под лестницу, она достала из своего кармана скомканный носовой платок и всунула в его руку. Потом скомандовала:

— Вытрись! И рассказывай!

Колька молчал.

— Я кому сказала — рассказывай! — строго повторила Марина.

Колька молчал, глядя куда-то в бок.

— Колька, — мягко сказала она. — За что ты хотел меня избить? Мы ведь с тобой родные люди... Ну, чего ты молчишь? — Она сильно потрянула его за рукав. — В чем я перед тобой провинилась? Что я плохого тебе сделала?

— Да ничего ты мне не сделала, — наконец произнес парень. — Откуда я знал, что это ты? Это они на тебя взъелись. Велели тебя проучить. Поздравить с Рождеством, значит, — и добавил совсем тихо: — Обещали мне хорошо заплатить.

— Да кто они-то? Кому я помешала?

— Именно что помешала. Риелторам этим. Ты у них какую-то квартиру из-под носа увела, у какой-то бабки поселилась, которую они на договор три года обрабатывали.

Марина не сразу вспомнила летнюю встречу с какими-то неприятными людьми в доме Старухи. Она о них давным-давно забыла, но у тех, видимо, память была крепкая.

Она с сожалением посмотрела на Кольку.

— А ты какое отношение к ним имеешь?

Он смутился, не зная, что ответить.

— Да так... Они мне помогают, я — им.

— И чем же они тебе помогают?

— У меня комната жуткая. И ту еле-еле получил. — Он назвал адрес. — Они обещали ее на однокомнатную квартиру поменять.

За последнее время Марина почти разучилась свистеть, но тут свистнула неожиданно звонко.

— И ты поверил?!

— Ну, не просто так, конечно. Если я им помогать буду...

— Помогать морду кому-нибудь бить? Как мне?

— Это в первый раз. Я им на даче помогаю. Зимой вместо сторожа там живу. И с машиной — помыть там или еще чего...

— Ну и дурак ты, Колька! Никогда прежде тебя дураком не считала. А вот теперь — точно вижу, что дурак. На нормальную работу не устроился?

— Нет. Не хочу жить по графику: точно приди, точно уйди... Устал еще в детдоме жить по команде.

— А учиться? Пошел бы на курсы какие-нибудь. Профессию бы получил.

— А кто мне эти курсы оплачивать будет? Я еле наскребая денег, чтобы свою берлогу оплачивать. Вот эти риелторы и помогают.

— Я, между прочим, и работаю, и учусь. Вот еще за Еленой Ивановной ухаживаю. За старушкой, у которой живу. Думаешь, мне легко? Оставят тебя с носом эти риелторы. А ты что... и вправду хотел меня покалечить?

— Да ты че?! — возмутился Колька. — Я че — ненормальный? Я тебя стукнул и уже дунуть хотел, как ты меня прихватила.

Марина вдруг спохватилась.

— Подожди-ка... Скажи мне еще раз твой адрес...

Колька повторил.

Марина опять свистнула.

— Знаю я эту комнату. Ее сначала мне давали, только я отказалась. Соседи там алконавты жуткие. Ты с ними не пьешь, случайно?

— Это на какие шиши? Жить с ними тошно, конечно. Но они мне не друзья.

— Сходи в наш храм.

— А че я там забыл?

— Поговори с отцом Михаилом. Это настоятель. Главный священник, значит. Да ты его знаешь. Он к нам в детдом часто приходил.

— А, помню. Мне Ольга Сергеевна, ну, директриса наша, говорила, что он меня крестил маленького, когда меня в детдом определили.

— Ты с ним поговори. Он очень умный батюшка и добрый. Это он меня к Елене Ивановне пристроил и тебе поможет, я уверена. Я бы с тобой пошла, только у меня времени совсем нет.

— Ладно. Схожу как-нибудь.

— Не «как-нибудь», а завтра же и сходи.

— Ладно.

— Обещаешь?

— Ну, сказал же — схожу.

Они еще поговорили несколько минут, обменялись телефонами, и Колька клятвенно пообещал звонить и не пропадать. Уже прощаясь, задержал Марину за рукав.

— Слушай... А ты это... Где научилась этим приемчикам?

Она засмеялась.

— Каким это?

— Каким, каким... Тем самым. Меня чуть инвалидом не сделала, и нос об стену разбила... До сих пор капает.

Он пожулькал в руках окровавленный платок, не зная, отдавать его или нет.

— Оставь себе, — отмахнулась Марина. — Мне твоя кровь не нужна. А приемам этим нас Владислав Семенов научил, тренер по самбо. Он женскую сборную России тренирует. В нашем городе у них сбор был. Ну, помнишь, он одно время к нам в детский дом часто приходил. Мужик такой классный! Неужели забыл?

— Слышал от пацанов. Я тогда с пневмонией в больнице лежал, сам его не видел.

— Ну, так вот... Он пришел, отобрал нескольких старших девчонок: меня, Наташку Свердлову, Майку Найденову и еще кого-то, не помню... Ну и кое-чему нас за несколько тренировок и научил. Не для соревнований, конечно, а так... Для самообороны. Помогает, как видишь.

— Помогает, — шмыгнул носом Колька.

— Ну, пока.

— Пока.

Марина задерживалась. В комнате быстро темнело. Старуха протянула руку, не сразу нащупала выключатель над своей постелью. Яркий свет бра на мгновение ослепил ее. Сильная слабость не давала оторвать голову от подушки. Она чувствовала, что силы из ее слабеющего тела уходят вместе с каждым минувшим днем. Просыпаясь утром, она чувствовала себя за одну ночь постаревшей на целый год. Еще пару лет назад она была достаточно бодрой, смотрела телевизор, читала книги из своей большой библиотеки, разгадывала ребусы и кроссворды, которые ей приносили редкие посетители. Но теперь читать она больше не могла — с первых страниц начинала болеть голова; все реже она брала в руки свои любимые кроссворды. Часто не хватало сил пересест в инвалидное кресло, иногда приступы слабости не давали ей даже опустить ноги с кровати. «Ночная ваза» теперь стояла на табурете рядом с кроватью — самостоятельно посещать туалет Старуха уже не могла.

Все дорогие и любимые люди давно оставили ее в этом мире одну. Она всех пережила — и Петю, и маму, и всех своих ровесников. Как там у Анны Ахматовой: «И нет уже свидетелей событий, и не с кем плакать, не с кем вспоминать».

Даже голуби давно перестали прилетать. Она уже не в силах была кормить их, а Марина редко бывала дома днем, да и не слишком жаловала этих нечистоплотных жадных птиц. Зато она повесила на окне кормушку для синиц и никогда не забывала подсыпать им семечек. Старуха невольно улыбалась, наблюдая за этими веселыми птичками, которые, прилетая, словно здороваясь с ней, с любопытством заглядывали комнату.

Есть не хотелось. Чай и бутерброды, какой-то салатик и несколько сытных бутербродов, оставленных Мариной на журнальном столике возле ее постели, опять остались нетронутыми. Она прислушалась, надеясь услышать звяканье ключа в дверных замках, но шум в ушах был таким сильным, что сквозь него с трудом пробивалось миролюбивое и успокаивающее тиканье настенных часов, отсчитывающих ее убегающее время. Взглянув на них, она не сразу поняла, который час. И где опять застряла эта девчонка?

Старуха все тяжелее переносила одиночество. Теперь весь ее день заключался в ожидании Марины. Если она не дежурила, Старуха чувствовала облегчение: легче дышалось, не так кружилась голова и не так сильно одолевала слабость, когда она слышала веселый шум закипающего чайника в кухне.

Но сегодня сил совсем не было, и Марина нужна была в доме. Как никогда.

Ей трудно было разобраться в себе. Хорошо или плохо будет, если девчонка получит собственное долгожданное жилье, и в пустой квартире наступит прежняя тишина?

Тишина, которую не прервет ни привычный звонкий девичий голос, ни плеск воды в ванной, ни резкий скрип старого диванчика в кухне, на котором Марина устраивалась на ночь. Не будет слышно шарканья ее шлепанцев, звона очередной разбитой тарелки, из-за которой можно было бы раздраженно пробубнить целый вечер.

С точки зрения Старухи, у Марины была тысяча недостатков. Она мало читала в школьные годы, а теперь ей и вовсе было некогда. Она безвкусно одевалась, ходила тяжелой неуклюжей походкой, жестикулировала, когда спорила, иногда довольно резко огрызалась на, казалось бы, безобидное замечание, после чего они могли обе несколько часов хранить обоюдное молчание.

Но... Если Марина переедет, придется опять обращаться за помощью к посторонним людям. Опять появятся в ее квартире эти равнодушные женщины из социальной службы или сердобольные прихожанки из храма... И, выполнив свой долг, они уйдут по своим делам, и никого не будет рядом с ней в последний час. И тут Елена Ивановна неожиданно призналась себе: дело вовсе не в том, что некому будет призвать к ее постели священника, закрыть ее глаза, а в том, что она привязалась, прикипела сердцем к этой нелепой девчонке, привыкла к ее рукам, вниманию, заботе, к ее присутствию в своей жизни.

Старуха вздохнула, повернулась с трудом на бок, чтобы свет не так сильно бил в глаза. Выключать его она не стала, зачем заставлять девочку входить в темную квартиру? Куда приятней возвращаться в дом, в котором горит свет!

И, задремав снова, она не заметила, как погрузилась в просмотр бесконечной хроники своей жизни. Последние дни воспоминания о прожитом стали возникать все чаще и чаще. Их можно было начинать с любого эпизода. С любого кадра. А потом действие все развивалось и развивалось, катилось куда-то, чтобы в любой момент прерваться и начаться снова с любого события.

И вдруг — взрыв!

Нет, это, конечно, не тот взрыв. А что же это тогда?

Она окончательно проснулась. Свет над ее головой был потушен, но в кухне, дверь в которую была прикрыта, горела лампочка. Значит, Марина пришла из магазина. Всего несколько часов побудет дома и убежит на ночное дежурство. Металлическое гроыхание из кухни, которое во сне показалось ей взрывом, повторилось. Но теперь оно было не таким резким и внезапным. В конце концов, что за руки у этой несносной девчонки!

— Марина... — Голос со сна такой хриплый и тихий.

Она повторила громче: — Марина!

Та мгновенно возникла на пороге кухни, растерянная, старающаяся скрыть испуг и смущение.

— Да, Елена Ивановна...

— Что у тебя там?

— Это противень, Елена Ивановна... Я хотела его помыть. Он из рук выскочил. Я разбудила вас? Извините. Я нечаянно.

— Я думала, это опять... что там у тебя над Парижем летает?

Марина смутилась.

— Фанера...

— Вот-вот. Вспомнила: «Полет фанеры над Парижем»...

— Только я так давно не говорю.

— Вот и славно. — Голос Старухи постепенно становился чище и громче. — Ты картошку почистила?

— Почистила.

— Покажи!

— Я поставила ее вариться. Потом пюре сделаю, как вы велели.

— Во-первых, не «велела», а просила. А во-вторых, я *просила* (она подчеркнула это слово) показать мне почищенную картошку, прежде чем ставить ее варить.

— Я хотела показать, но вы спали.

— Значит, опять все клубни с черными глазками будут.

— Нет, я очень внимательно их все выковыряла.

— Ладно. Поглядим. Занятия завтра когда кончаются?

— У нас практика в поликлинике. Думаю, нас ненадолго задержат. Я сразу бегом домой.

— Домой... — передразнила ее Старуха. — Забыла, что в магазин надо?

Марина вспыхнула — она забыла про магазин.

— Я положу список продуктов в карман. Я все куплю, что вы велели.

— Опять «велела»? Денег больше, чем надо, не бери. Вытащат или потеряешь по дороге. Ты когда на дежурство уходишь?

— Мне, как всегда, к восьми вечера. Я пюре сделаю, вас покормлю и пойду на работу.

— Чего меня кормить? Я, слава Богу, пока ложку сама могу держать. И что у тебя опять на голове? Колтун какой-то...

— Колтун? Что такое «колтун»?

— А ты посмотри в своем Интернете. Вы ведь теперь словарями не пользуетесь. Все Интернет да Интернет... И что в нем хорошего? Книга — это книга. Любая книга — это произведение искусства, а машина — это и есть машина.

— Я посмотрю. Как вы это слово сказали?

— Колтун.

Марина действительно посмотрела, что значит это слово. И не в Интернете, а в одном из словарей, которых было много у ее хозяйки — библиотекаря. Прочитала — и ужаснулась. Неужели ее волосы и в самом деле выглядят, как колтун, который образуется на голове у людей завшивленных и нечистоплотных?

Надо было принимать срочные меры. На следующий день Марина уговорила больничную парикмахершу сделать ей короткую, вполне современную стрижку и стала постоянно носить в своей сумке расческу. Про перепись она забыла давным-давно. Цвет ее собственных волос, русых, с едва заметным пепельным оттенком, нравился ей теперь куда больше.

Так прошла зима.

В Великий пост Старуха перестала есть мясо и яйца, свела количество молочных продуктов до чашки кефира на ночь и назойливо обучала Марину готовить кальмары и варить креветки. Смотрела передачи только по православному телеканалу. Вообще-то она телевизор и прежде смотрела редко, в основном телеканал «Культура», да слушала православные беседы. Чтобы не включать телевизор слишком громко и не мешать занятиям Марины, Старуха пользовалась наушниками, но быстро засыпала под спокойный голос священника или под классическую музыку. Марина, если была дома, потом потихоньку, чтобы не разбудить, освобождала ее голову от тонких проводов.

Старуха нащупала рукой наушники, которые всегда лежали возле ее изголовья, и вставила их в свои уши. Включила пультом телевизор, нашла свой православный канал. На экране пожилой священник проводил очередную пастырскую беседу, посвященную посту.

— Можно, можно есть морепродукты... — отвечал он, видимо, на чей-то вопрос. — Но каждый раз при наступлении поста мы прежде всего обсуждаем наш рацион или даже меню. Мы — священнослужители — не перестаем повторять, что пост — это не только диета и воздержание от сытной и вкусной пищи. На-

чинать надо с мира в своей душе и в своем доме. Надо прекратить пустые ссоры и обвинения, надо быть приветливыми с детьми и стариками, не раздражаться по пустякам. А то у нас получается, — довольно строго говорил он, глядя в телекамеру, — что мы в пост едим только кальмаров с креветками, но с аппетитом заедаем их своими ближними.

Старуха скосила глаза в сторону кухни. Оттуда раздавался звон чашек. Вскоре Марина появилась с подносом, на котором стояли вазочка с сушками, розетка с изюмом, который Старуха ела вместо сахара, да чашка ароматного чая с мятой и зверобоем.

— Сама-то что-нибудь ела?

— Мы вместе с вами грибной суп ели в обед. Он сытный.

— Ты с постом-то не переусердствуй. Ноги протянешь от голода, кто в магазин бегать будет? — попыталась пошутить Старуха. — Отец Михаил нам обоим послабление на пост дал, мне по старости и немощи, а тебе по твоей беспокойной жизни. Ты в воскресенье работаешь?

— Как всегда — в ночь на понедельник. Мечтаю утром поспать подольше.

— Утром в храм сходи. Отоспишься днем на пару со мной. В компании и мне веселее спать будет. Великим постом священник на литургии молитву Ефрема Сирина читает.

— Это когда в храме все три раза на колени встают? Я видела по телевизору, как патриарх ее читал, тоже три раза на колени вставал.

— Потрясающая молитва.

Старуха помолчала, собираясь с мыслями, и вдруг проникновенно прочитала стихи.

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого Поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Марина онемела от изумления, она не узнавала свою хозяйку. Потом спросила:

— Чьи это стихи?

— Не знаешь? — Старуха устало вздохнула. — Это Пушкин.

Марина удивилась еще больше.

— Пушкин? Нам не говорили. Мы не проходили...

— Еще бы... — усмехнулась Елена Ивановна. — Но самой-то можно было и почитать Александра Сергеевича. Ладно. Неси сюда свою чашку. Теперь мы всегда будем пить чай вместе. Ты еще заниматься будешь?

— Да. У меня послезавтра зачет по анатомии.

— Зачет по мышцам сдала уже?

— Еще в прошлом месяце. Мы сейчас внутренние органы проходим. Брюшную полость.

— Вот жуть-то какая! Не продолжай, — отмахнулась Старуха.

Марина облегченно засмеялась.

Этот вечер почему-то сблизил их.

Теперь Марина часто думала: ну, ведь не случайно все это? Не случайно, что в самый тяжелый момент ее жизни, когда она могла оказаться на улице без крыши над головой, на ее пути появился отец Михаил. Не случайно она тогда оказалась незваной гостьей в его доме. И не просто так священник привел ее, совсем незнакомую девчонку, в этот дом и сумел убедить Старуху принять ее.

Нет никаких случайностей в этой жизни! Это не отец Михаил, это Господь свел под одной крышей двух таких разных, но совершенно одиноких женщин! Значит, им обоим это нужно. А если нужно, надо смириться и терпеть, как говорит матушка Наталья. Да, ей сейчас трудно, очень трудно, никогда в ее короткой жизни не было так трудно: работа, учеба, домашнее хозяйство, колкости Старухи... Но ведь Господь все видит? Он понимает, как ей тяжело тащить свой крест? Про тяжесть этого креста она теперь все знала.

Однажды Старуха заметила, что утренняя рисовая каша уже не пахнет пригоревшим молоком и что перестал выплескиваться из турки закипевший кофе, о котором Марина всегда забывала в самый последний момент. Как-то раз, когда слабость ненадолго отступила и позволила ей выехать на кресле в кухню, чтобы позавтракать вместе с Мариной, она обнаружила безупречно чистую газовую плиту и хмыкнула удовлетворенно.

— С кухней ты, кажется, выбилась если не в отличники, то в хорошисты.

Марина, не поняв, вопросительно вскинула на нее глаза.

— Я говорю, в кухне у нас, слава Богу, теперь порядок, — и, меняя тему, вдруг произнесла: — Ты вот что... Перебирайся-ка в столовую. Диван там широкий, каждый день его разбирать не надо. Постель убирай, чтобы гостиная оставалась гостиной. А кухня должна быть кухней, хватит в ней спать.

— Спасибо, — только и сказала Марина, растерявшись от неожиданности.

— Не за что благодарить, — слабо отмахнулась Старуха. — Знать, на то воля Божья, для чего-то Господь соединил нас вместе.

Оттого, наверно, что Старуха произнесла вслух то, о чем она думала постоянно, неожиданно для самой себя Марина наклонилась и поцеловала ее в щеку. Та отвернулась, но девушке показалось, что на ее морщинистой щеке блеснула влажная полоска. Может быть, только показалось. Но Марина вдруг подумала: кто и когда, вот так, как она сейчас, поцеловал Старуху в последний раз?

Как-то днем перед Пасхой отец Михаил пришел совершенно неожиданно. Конечно, он позвонил заранее, чтобы узнать, дома ли Марина. Ему были нужны обе хозяйки. Она готовилась к зачету (в разгаре была сессия) и торопилась с домашними делами, чтобы засесть за учебники. Поскольку визит был чисто дружеским, Старуха оживилась и, пока Марина накрывала чай, забросала его вопросами о доме, о детях. Посетовала, что ее совсем забыли матушка с Ксюшей и что давно не видела остальных ребятишек. Прежде матушка приводила их по одному, приучала помогать больным и стареньким, а тут уж сколько времени прошло — никого...

— Дети — они дети и есть, — присаживаясь к журнальному столику с накрытым чаем, усмехнулся отец Михаил. — Николай опять двойку принес, учительница жалуется, что рожи корчит, ребят смешит...

Марина фыркнула, Старуха только покачала головой.

— А моя любимица, Верочка? Совсем, наверно, большая стала?

— Любимица ваша не перестает удивлять, — сокрушенно покачал головой отец. — С подружкой подрались вчера. Начал допрашивать, говорит, что Катя первая начала. Я удивился: Катя — очень спокойная девочка. С чего бы это вдруг стала драться? Дочка молчит, в глаза не смотрит. «В чем дело?» — спрашиваю. «Я ее за косу сильно дернула...»

Теперь засмеялись все трое.

— А как дела в вашем загородном реабилитационном центре? — не унималась Старуха. — Ремонт в домиках закончили?

Марина удивленно посмотрела на нее: оказывается, Елена Ивановна была в курсе всех приходских дел.

— Тяжеловато с ремонтом, — вздохнул священник. — Да и кроме ремонта еще много работы на участке. Надо построить и дровяник, и баню, и сарай для всякого оборудования и инвентаря. На все это нужны деньги. Большие деньги. А время сейчас тяжелое. Спонсоров стало в разы меньше.

Поговорив о скором празднике Светлой Пасхи, о весенней просыпающейся природе, отец Михаил осторожно отодвинул чашку и, внимательно посмотрев на своих подопечных, произнес:

— А я ведь к вам не с пустыми руками. Я к вам с новостями, да еще с какими!

— Так рассказывайте! — поерзала на подушках Старуха. — Ну-ка, Марина, приподними меня немного.

Марина привычным движением подняла тонкое тельце повыше. Подложила с двух сторон диванные подушки.

— А новость моя вот такая. Наш приходской юрист Константин Игоревич выбил-таки жилье для Марины. Парень он молодой, ему и тридцати нет, но специалист очень толковый. Не подвел, хотя это стоило ему немалых хлопот. Ведь за тобой, Марина, очередь следующих выпускников детдома... Но жилье есть! И какое! Не комната, а однокомнатная квартира! Летом новый дом должны сдавать, видела, тот большой, который строится на Парковой улице? Там и будет у тебя своя собственная квартира!

У Марины вдруг подкосились ноги, и она опустилась на стул. Голова закружилась.

— Спасибо... — прошептала она.

— Моей заслуги здесь мало. Ты в воскресенье работаешь?

— Нет.

— На литургию приходи. Исповедуешься, причастишься, а после я тебя с нашим Константином познакомлю, вот его и будешь благодарить. Он тебе скажет, когда и к кому со своими документами приходить.

В комнате воцарилось молчание. Отец Михаил вздохнул, переводя взгляд с Марины на Старуху.

Обе сидели с окаменевшими лицами, пряча глаза. Он понял, какую ошибку совершил, смутился, ругая себя. Не надо было сообщать эту новость сразу обеим. Надо было начать с Марины. Но что сделано, то сделано. Он заторопился на вечернюю службу и, виновато попрощавшись, исчез за дверью.

Марина защелкнула за ним все замки, да так и осталась стоять у дверей, не решаясь вернуться в комнату.

— Ты чего прячешься? — услышала она насмешливый голос. — Не бойся! Не съем я тебя, домовладелица...

Совсем растерявшись, Марина появилась на пороге комнаты.

— Ну... Чего молчишь-то? Рада небось?

— Конечно, рада, — пожалала плечами Марина. — Я ведь о своем доме перестала и мечтать.

— Ладно. Поздравляю тебя. Квартира — это, конечно, настоящий Пасхальный подарок. Но дом-то пока не сдан, а я что-то есть захотела. Давай-ка поедим вместе по этому счастливому случаю.

На дежурстве Марина летала по больнице, как на крыльях. Народу в отделении осталось немного: Пасха совпала с майскими праздниками, впереди было несколько выходных дней, и многих больных родственники забрали под расписку домой. Марина машинально выполняла свою обычную санитарскую работу, но с такой сияющей улыбкой, что буфетчица Варвара понимающе толкнула ее в бок.

— Колись, Маринка! В кого влюбилась-то?

Марина только счастливо рассмеялась.

— Отстань!

В душе ее бушевал восторг. Никогда в своей короткой детдомовской жизни она не была так счастлива! У нее будет собственное жилье! Своя квартира! Целая квартира! Она не будет ни от кого зависеть! Будет сама распоряжаться собственной жизнью...

Но... Что-то неприятное, отрезвляющее, рассудочное вертелось у нее в мозгу. Она отгоняла от себя это «что-то», не позволяя себе о нем думать, портить праздник. И пока это ей удавалось.

Поздним вечером она тащила по коридору отделения старый пылесос. Прорванный в нескольких местах гофрированный шланг был заклеен медицинским пластырем. Когда Марина, дребезжа своим агрегатом, проходила мимо одной из опустевших палат, дверь неожиданно открылась, и молодая женщина, появившаяся на пороге, поманила ее рукой.

— Мариночка, помоги... Баба Рая целый день плачет. Никак успокоить не могу. Марина поставила пылесос у стены и вошла в палату.

Бабу Раю прооперировали дней десять назад: поставили ей искусственный тазобедренный сустав. Операция прошла благополучно, и вполне адекватную старушку можно было бы выписать домой, но... Баба Рая была совершенно одинокой, позаботиться, побеспокоиться о ней, просто позвонить в социальные службы было некому.

После операции надо было «расхаживаться», как говорят врачи, то есть двигаться, ходить по палате, по больничному коридору в сопровождении какого-нибудь помощника, которого у бабы Раи не было. Помогали старушке все: инструкторы по лечебной физкультуре, медсестры, санитарки. Марина, освободившись от своих санитарских дел, не раз подолгу «разгуливала» по длинному больничному коридору старушку, которая к ней очень привязалась.

Сейчас баба Рая сидела на своей постели, спустив на пол ноги в теплых шерстяных носках и плакала, периодически запивая слезы жидким чаем из большой кружки, стоявшей на прикроватной тумбочке. Марина заметила рядом с кружкой одинокий банан и яблоко.

«Наверно, угостил кто-нибудь из больных», — мелькнула у нее мысль. А вслух спросила:

— И чего плачем?

Баба Рая махнула рукой на тумбочку, только и произнесла:

— Вот... — и зарыдала во весь голос.

— Что «вот»? — не поняла Марина и вопросительно взглянула на соседку по палате, которая стояла за ее спиной.

— Сегодня приходила эта... Ну, как ее... Которой баба Рая квартиру отписала.

— Катерина... — всхлипнула старушка. — Оставила это и ушла... Она мне клятву давала, что будет ухаживать за мной до самой смерти... Какое там ухаживать! Она ведь даже после операции ни разу не пришла, сегодня в первый раз появилась. Слава Богу, вы все, добрые люди, меня на ноги поставили, расхаживаете меня, но ведь я третью неделю не мылась, чешусь вся, а она даже не спросила, чем мне помочь. Хвостом вильнула и убежала. А ведь я ей на свою квартиру дарственную оформила. И говорят, теперь ничего нельзя сделать, раз договор подписан.

— Да... — кивнула ее соседка. — Дамочка, конечно, та еще...

— Давайте так, баба Рая... — решительно прервала Марина бесконечный поток горьких слез. — Плакать мы перестаем сейчас же. Я должна пропылесосить ковер в ординаторской, если дежурный врач на месте, я спрошу, можно ли вам мыться.

— Можно. Лечащий врач разрешил.

— Ну и отлично. Как только освобожусь, я вас искупаю. А вот насчет ваших юридических дел — тут я пас. Ничего не понимаю. У нас в больнице юрисконсульт есть, попросите своего врача, чтобы пригласил ее к вам в палату. Она тетенька добрая, обязательно что-нибудь посоветует.

Бабулька купалась с превеликим удовольствием: Марина теперь была крутым специалистом по части помывки старушек.

Но тут в ванную комнату неожиданно заглянул заведующий реанимацией Петр Васильевич. Марина видела его всегда только мельком, когда случалось на дежурствах перевозить затяжелевших больных из своего отделения в реанимацию или, наоборот, забирать кого-нибудь к себе в травматологию.

— Здравствуй, Марина, — приветливо сказал доктор.

— Здравствуйте, Петр Васильевич...

— Ты вот что, девочка... Когда освободишься, спустись в реанимацию, мне с тобой поговорить надо.

И ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь ванной.

Укутав старушку чистой простыней, Марина осторожно вытерла ее, надела на худенькое тельце ночнушку и халат, а в палате уложила в чистую постель, которую подготовила перед купанием. Баба Рая совсем успокоилась, блаженно вытянулась под тощим больничным одеялом.

— Спасибо, девочка. Что бы мы без вас тут делали? Ты возьми эти фрукты, я все равно их есть не буду — противно...

— А мне не противно, что ли? Я этот народец по себе знаю, — хмыкнула Марина и пошла в реанимацию.

Она совсем растерялась, не зная, что и думать. О Петре Васильевиче в больнице говорили, что он — доктор «от Бога». Больше о нем она ничего не знала. И даже представить не могла, зачем ему вдруг понадобилась.

Он увидел ее через раскрытую дверь своего кабинета.

— Заходи.

Марина вошла. Робко встала на пороге.

— Садись, — сказал доктор и как-то оценивающе посмотрел на нее. — Ты, говорят, в медицинском колледже учишься?

— Учусь.

— В следующем году заканчиваешь?

— Да.

— А где потом хочешь работать?

— Не знаю... Не думала еще.

Петр Васильевич усмехнулся.

— Только не ври. Думала, конечно. Не хочешь в реанимацию? На передний край?

Марина совсем растерялась.

— Это интересно...

— Еще бы! Но для того, чтобы у нас работать, надо многому научиться. Я тебя возьму после окончания и на первичную специализацию направлю. Мне очень нужны толковые медсестры. Но это потом, на следующий год, а пока... не хочешь со следующего месяца к нам перейти? Мы без санитарок горим, дежурства нечем закрывать.

— Я ведь только на полставки работаю, да и Владимир Николаевич меня не отпустит, у нас на травме тоже персонала не хватает.

— Твой начальник тебя хвалит, но обещал не задерживать, если сама захочешь. Он понимает, что тебе расти надо. И денег у нас чуть побольше, чем в вашем отделении. Пока идут занятия, поработаешь на полставки, а летом все полторы возьмешь, санитарки на огороды запростятся.

— Не получится на полторы. Я не могу...

— Почему?

— Я за одной старушкой ухаживаю. Я у нее живу. Она очень старенькая, совсем беспомощная. Одну ее оставлять надолго нельзя.

Доктор оценивающе посмотрел на Марину.

— Ладно. Не будем вперед загадывать. До лета еще дожить надо.

Они поговорили еще немного, и она почти вприпрыжку поскакала по лестнице в свое отделение.

Вот такая пошла светлая полоса в ее жизни! Вот как счастливо все сложилось — и новая квартира, и новая, совсем другая работа!

И вдруг то самое холодное и отрезвляющее, что затаилось в ее подсознании, что она так старательно отгоняла от себя, о чем не хотела думать, словно с отчаянным криком вырвалось наружу.

— Все! — выдохнула Марина. — Это все!

Она села на широкий подоконник в пустой рекреации, прижалась лбом к влажному стеклу. В больнице было тихо, за окном стояла весенняя холодная ночь. Где-то у ворот приемного отделения иногда вспыхивали фары бесшумно подъезжавших машин скорой помощи.

Надо было поставить все точки над «и». Совершить первую в жизни победу над собой. И Марина наконец честно призналась себе, что переехать в собственное жилье — значит, бросить Старуху одну.

Почему это вдруг стало невозможным? Когда их взаимное недовольство, перепалки, раздражительность, бесконечные стычки сменились робкой, едва заметной привязанностью друг к другу? Обиды и раздражение куда-то исчезали, как только Марина выходила из дома.

Никогда прежде не приходилось ей о ком-то заботиться: все это в детском доме делали воспитатели и нянечки. А теперь она страшно пугалась, когда слабеющей день ото дня Старухе становилось совсем плохо, когда вдруг резко подскакивало или падало ее артериальное давление и даже путалось сознание.

Она научилась вызывать скорую, разговаривать с дежурными диспетчерами. Приезжавшие по вызову медики смотрели на Марину сочувственно, делали какие-то уколы и только пожимали плечами, когда она выходила проводить их в прихожую: что поделаешь — возраст... Иногда Марина прогуливала первую лекцию, чтобы примчаться домой после дежурства и проверить, не надо ли чего Старухе. Она даже представить себе не могла, что на ее месте рядом с Еленой Ивановной окажется какая-то чужая женщина из собеса, которая не знает тонкостей обслуживания такого непростого человека, которая будет делать все формально, холодно, отчужденно, которая будет раздражаться по пустякам и от услуг которой старый, доживающий свои дни человек не сможет отказаться.

А совместить все: разорваться между учебой, работой, своим новым домом и опекой старой беспомощной женщины тоже никак не получится. Что делать? Как поступить правильно? От напряжения у Марины звенело в ушах и больно сжимало виски.

Ведь если отказаться сейчас от последней возможности получить собственную крышу над головой, то, когда Старухи не станет, она окажется на улице. Снимать комнату не позволит ее санитарская зарплата, до диплома — целый год. Марина глубоко и прерывисто вздохнула.

Решение давалось так непросто! Она звонко шмыгнула носом. Очень хотелось заплакать, но слез, как всегда, не было. И в который раз она подумала: Господь зачем-то направил ее к Старухе и вразумил Елену Ивановну, чтобы та согласилась принять в свой дом незнакомую детдомовку. Зачем? Наверно, не для того, чтобы Марина через полгода бросила ее, совершенно беспомощную, на произвол судьбы!

И решение было принято. Окончательно и бесповоротно. Марина с непонятным облегчением перекрестилась и, спрыгнув с подоконника, заторопилась в санитарскую комнату учить анатомию.

Шла Светлая Седмица, исповеди не было. Служил литургию отец Михаил, и Марина причастилась из его рук. После благодарственных молитв, как всегда, была проповедь.

Народу в храме было много. Празднично одетые прихожане внимательно и доверчиво смотрели на своего настоятеля. Марина слушала отца Михаила сначала рассеянно, напряженно думая о своем, но постепенно вникала в смысл его слов, и вдруг ей показалось, что священник угадал ее мысли.

— «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас», — сказал Господь своим ученикам. Что же такое настоящая Христианская любовь? Как научиться такой любви? Мы с вами привыкли делать добро только тем, кто с нами поступает так же. Но Господь в Евангелии говорит: «Если вы будете благо творить только тем, кто вам творит, то какая от этого польза? Так поступают и язычники».

А теперь давайте вспомним, когда в последний раз мы помогали больным и немощным людям? Как давно мы старались поддержать человека, попавшего в беду?

В наше нелегкое время столько людей вокруг нас нуждаются в помощи, но, к сожалению, год за годом, день за днем мельчает наша любовь. А где нет любви — там нет и Господа. Мы всегда находим себе оправдание: ведь нам самим сегодня так много недостает материальных благ! Но наша любовь должна быть жертвенной. Каждый день, читая вечернее правило, мы произносим в молитве святого Иоанна Златоуста такие слова: «Господи, избави мя от всякого неведения и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия». Достичь такой любви непросто, но если начать с малого, то постепенно мы сможем стать лучше. Святые отцы говорят: «Спешите делать добро, потому что времени мало». И, действительно, наша жизнь очень коротка, поэтому надо приложить все усилия для исполнения заповеди любви. Аминь!

Когда храм опустел, и только возле святыни храма, чудотворной иконы Богородицы, стояла, плача, какая-то женщина, отец Михаил подошел к Марине, ожидающей его у свечной лавочки.

— Наш юрист, Константин Игоревич, не смог прийти, не получится сегодня тебя с ним познакомить. Вот его карточка с телефонами, позвони ему. Он работает в юридической консультации, а в храме консультирует прихожан бесплатно, с моего благословения, конечно. Договоритесь о встрече. Только не вздумай ему деньги предлагать — обидится.

Марина смущенно подняла на него глаза.

— Отец Михаил, мне очень надо поговорить с вами.

— Что ж... давай поговорим. Пойдем, присядем на скамеечку.

Он первым сел на деревянную лакированную скамью у стены храма. Марина опустилась на краешек рядом.

— Мне так неудобно, отец Михаил... — запинаясь, взволнованно сказала она. — Люди для меня столько сделали, а я...

— Что — «ты»?

Она ответила не сразу. Прерывисто вздохнув, произнесла медленно, старательно выговаривая слова, словно читая собственный приговор.

— Отец Михаил, я не могу... Я должна отказаться от этой квартиры.

Священник внимательно посмотрел на нее.

— Почему?

— Я не могу бросить Елену Ивановну! Ну, не могу — и все! — выпалила Марина на одном дыхании.

Отец Михаил надолго замолчал, так надолго, что она успела успокоиться.

— Ты хорошо подумала? — наконец спросил он.

— Да! Очень хорошо. Я понимаю, что могу опять остаться на улице. Но будь что будет. Когда мне было очень трудно, Господь послал мне вас с матушкой и Елену Ивановну тоже. Я верю, что он меня не оставит, если опять будет тяжело. — Она помолчала. — А с юристом я обязательно встречусь. Цветов ему куплю, если он денег не берет.

Отец Михаил кивнул головой.

— Ну, что же, девочка, если ты все хорошенько продумала — я очень рад твоему решению.

Марина облегченно улыбнулась. Хотя улыбка у нее получилась немного грустная.

— А что Елена Ивановна говорит?

— Она не знает. Я ей потом когда-нибудь скажу. Она будет себя виноватой считать, а мне этого совсем не надо... Спасибо вам еще раз за все, отец Михаил. — Она поднялась с места. — Я побегу. Елену Ивановну кормить пора, она с утра ничего не ела.

Отец Михаил благословил ее и остался сидеть на скамейке, раздумывая, правильно ли он сделал, согласившись с неожиданным Марининым решением? Может быть, надо было отговорить девочку от него? Не пожалеет ли?

И все-таки он был за нее рад. Очень рад. Да поможет ей Господь!

На следующий день Марина купила большой букет махровых тюльпанов и отправилась в юридическую консультацию. Она давно так не волновалась. Само понятие «юрист» всегда приводило ее в трепет, а здесь еще надо было извиняться и благодарить: и то, и другое она делать совсем не умела.

Очередь на прием была довольно приличной. Марина с букетом оказалась под прицелом десятка глаз.

— Вы по записи? У вас на какое время? — спросил кто-то.

— Я на минуту. Мне только отдать цветы.

Едва распахнулась дверь кабинета, Марина нырнула за спину вышедшего клиента.

Молодой человек, с ярко-рыжей, гладко причесанной шевелюрой, оторвался от бумаг и серьезно взглянул на нее, вскинув такие же рыжие пушистые ресницы.

— Здравствуйте, Константин Игоревич, — окончательно смутившись, произнесла Марина. И протянула ему тюльпаны. — Это вам.

— Мне? — удивился он. — От кого?

— От меня. Я — Марина Найденова, выпускница детского дома.

— А... Вот оно что... Спасибо. Очень красивые. Мне отец Михаил сказал, что вы отказались от квартиры.

— Так получилось. Простите, пожалуйста, я так виновата и перед вами, и перед отцом Михаилом. Я очень вам благодарна за хлопоты. Извините, что они оказались напрасными. Никто и никогда моими делами не занимался, а вы... Но у меня такие обстоятельства... Я не могу... Извините меня, пожалуйста!

— Извиняться не надо. Решение ваше очень серьезное и... благородное. Я знаю, — улыбнулся он. — Мне отец Михаил все объяснил.

Марина вежливо попрощалась и побежала на дежурство. Юрист ей понравился. Симпатичный. Вежливый. А главное — все правильно понявший. Но ведь у отца Михаила другого юрисконсульта просто не могло и быть!

Марине редко удавалось заглянуть в храм, но когда она там оказывалась, то не раз замечала на службе и рыжего юриста. Один раз даже поздоровалась с ним. Он рассеянно ответил. Она так и не поняла, узнал он ее или нет.

Со Старухой о квартире они больше не говорили. Но теперь подолгу разговаривали о каких-то пустяках. Марина рассказывала о том, как прошли занятия, удалось ли удачно сдать зачет по фармакологии, о своих стычках на работе с бельевщицей, у которой просто невозможно выпросить чистую простыню, чтобы сменить постель...

Однажды Марина, вернувшись домой, обнаружила свою Старуху под горой старых пожелтевших фотографий. Они закрывали Елену Ивановну с ног до головы, были рассыпаны на постели и подушке. По всему полу вокруг кровати валялись клочки разорванных снимков.

— Елена Ивановна, вы порвали свои фотографии? — поразилась Марина.

— Я скоро умру, девочка, — спокойно ответила Старуха. — Мои детские фотографии, мамины снимки в студенческие годы и вся прочая сентиментальная дребедень никому не нужны. Ты сдала зачет?

— Сдала.

— Приведи себя в порядок, поешь, а потом займемся делом. Я потом поем, когда разберемся с моим архивом.

Когда Марина вернулась в комнату, возле постели Елены Ивановны возвышалась целая гора обрывков старых пожелтевших фотографий.

— Принеси-ка пару больших пакетов да собери в них этот мусор. А вот эти снимки с концертов фронтовой бригады мы положим в папку. Она в секретере. Возьми ее.

Марина достала новую папку, протянула Старухе. Та продолжила свою мысль:

— Видишь, этих фотографий совсем немного. Кто на фронте фотографировал? Военные корреспонденты, а мы, артисты, их редко интересовали. Не от нас зависел исход войны.

Марина с сожалением принялась складывать порванные фотографии в полиэтиленовые пакеты. Старуха с грустью наблюдала за ней.

— Я очень давно собиралась это сделать, да почему-то все откладывала. Очень трудно, дорогая, возвращаться в счастливое прошлое из сегодняшнего жалкого бытия.

Они провозились до позднего вечера. Фотографии с фронтовых концертов Марину очень заинтересовали, она засыпала Старуху вопросами. Это были совершенно случайные снимки корреспондентов, оказавшихся на передовой во время выступления артистов, но почему-то они волновали, трогали своей наивностью и простотой. Елена Ивановна не могла не заметить неподдельного интереса Марины. Очень много лет ее прошлое никого не волновало.

— В Молотове, — рассказывала Елена Ивановна, — теперь этому городу старинное название вернули — Пермь, а тогда он «Молотовым» назывался... Так вот. В Молотове в театре шли репертуарные спектакли, многие из нас были в них заняты. Но танцевать на сцене во время войны было очень тяжело. Особенно мужчинам-танцовщикам, они все время рвались на фронт. И никто поэтому не отказывался от участия во фронтовой бригаде. Где мы только ни побывали за годы войны! И на Ленинградском, и на Волховском фронте, и на Сталинградском...

Она взяла в руки одну из фотографий. Показала Марине.

— Смотри, это Таня Вечеслова, потрясающая балерина, после войны ее имя гремело во всем балетном мире. А это... Нет, не могу вспомнить имя этого мальчика, у него был замечательный тенор. А это Коля Васнецов, прекрасный флейтист, стал народным артистом, после войны в Ленинградской консерватории кафедру возглавлял.

— А где вы?

Марина пыталась узнать Лену Бахтину в группе артистов концертной бригады, стоящих среди солдат. Но на помятом, затертом снимке разглядеть лица было трудно.

— Вот я... Представить невозможно, что я была такой, да?

Рассказывая и вспоминая, Старуха преобразилась: выцветшие, всегда тусклые ее глаза вдруг распахнулись, засияли каким-то внутренним светом, она часто улыбалась. Но вдруг она замолчала, притихла. Марина вопросительно посмотрела на нее. В тонких дрожащих пальцах Елена Ивановна держала две очень неплохих по тем временам фотографии.

— Это работа известного фотокорреспондента из «Красной звезды», они потом в газете были напечатаны... Это я...

Марина взяла в руки фотографию. Вгляделась. Молодая балерина в балетной пачке и в пуантах стоит на ящике из-под снарядов. Кто-то накинул ей на плечи старый промасленный ватник, а вокруг — вытоптанный снег и деревья с обломанными после боя ветками...

— А здесь мы с Петей. Это последняя наша общая фотография. Остальные я порвала.

Старуха надолго замолчала. Марина не решалась взять из ее рук снимок, чтобы разглядеть поближе. Елена Ивановна сама протянула ей карточку.

Они сидели с Петей, обнявшись, на том же ящике из-под снарядов. На легкие сценические костюмы наброшены теплые полушубки. На ногах — валенки.

Про Петю Марина все знала. Друг, партнер, единственная любовь в долгой жизни Елены Ивановны.

— Где это? — осторожно спросила Марина.

— На Волховском фронте. Это наше последнее выступление. Больше мы вместе не танцевали.

Елена Ивановна замолчала. Марина вздохнула, не решаясь о чем-то спрашивать.

Старуха поняла, грустно усмехнулась.

— Я тебе расскажу потом. Если успею. Сегодня устала. Если ты когда-нибудь окажешься в Ленинграде... В Санкт-Петербурге, то есть, вот эти фотографии... Я сама человечеству совершенно неинтересна, но таких фотографий, наверно, мало осталось. Вот эти самые фотографии передай в Театральный музей. Побывать в Петербурге любому русскому человеку просто необходимо, а тебе — особенно, ты так мало видела. А Театральный музей — это музей уникальный, там есть специалисты по истории балета. Вот им и передашь. Это мой последний подарок любимому городу. Сделаешь? Обещаешь?

— Обязательно сделаю, Елена Ивановна. Обещаю, — дрогнувшим голосом ответила Марина.

— Ну и славно.

— А что делать с этими... которые порваны?

— Выкинь в мусоропровод. Все, девочка. Давай заканчивать воспоминания. Прошлого больше нет. Сейчас я живу только сегодняшним днем.

Старуха очень устала. Марина ушла к себе, погасила свет. Сон не шел. Прошлое не давало покоя. Как много было в ее жизни горя и несчастий! Но что было самым страшным? Наверно, все-таки тот взрыв.

А ведь этот далекий зимний день начинался так великолепно. Празднично светило солнце, сияло голубое небо. Покалеченный лес темнел вокруг поляны, на которой два сдвинутых кузова грузовиков образовали обледелую неровную площадку сцены.

Благодарные зрители сидели вокруг на ящиках из-под снарядов и прямо на снегу. Во фронтовой бригаде знали, что накануне этого дня в этих местах было жарко. Солдаты неделю бились в глухую стену противника, каждый день, каждую ночь — канонада, грохот, кровь, смерть. И наконец — прорыв, брешь, победа! И в этот момент приехали артисты! Перед усталыми, измученными глазами — она, балерина в голубой пачке!

Но война продолжалась, обстрелы не прекращались. Фронтовая бригада давала концерты на передовой вот уже целый месяц. Артисты привыкли петь и танцевать под грохот канонады, давно перестали пугаться и шарахаться, если совсем рядом раздавался взрыв. И под грохот этих разрывов в легких сценических костюмах они с Петей танцевали свой любимый номер «Куклы» под аккомпанемент старенького аккордеониста. Иногда взрывы заглушали музыку, но они продолжали танцевать. В середине танца им нужно было садиться на пол. Сесть-то они сели, но встали с трудом: легкие костюмы мгновенно примерзли к обледелым доскам сдвинутых кузовов грузовиков. Вот тогда-то и раздался этот взрыв.

Лену снесло вниз ударной волной. Острая боль пронзила ногу где-то выше колена. Вокруг бегали солдаты, она видела, как вспыхнула одна из машин, в кузове которой они только что танцевали... Боль была нестерпимой. Голубая пачка впитывала кровь, как промокательная бумага, окрашиваясь в багровый цвет, липла или, может быть, примерзала к телу. Последнее, что она увидела, теряя сознание, — это склоненное над собой взволнованное лицо Петра.

Так закончилась ее артистическая карьера. Чудом ногу удалось спасти, но осталась сильная деформация, укорочение конечности — о сцене надо было забыть. Она долго лежала в госпитале, потом мама заново учила ее ходить. Была снята наконец блокада Ленинграда, и театр уехал домой.

Но им с мамой возвращаться было некуда: в дом, где они жили до войны, попала бомба, родни в городе не было, вызов им никто прислать не мог. Да и лечить раненую ногу надо было еще долго. Они остались в Молотове. Мама устроилась концертмейстером в местный оперный театр, а Лена, как только смогла ходить, пошла работать в городскую библиотеку. Училась заочно в библиотечном институте.

Через несколько лет ее остановил на улице какой-то офицер. Это был хирург полевого госпиталя, который оперировал ей ногу. Как он ее узнал, понять трудно. Столько раненых и покалеченных прошли за время войны через операцию! Но узнал! Они стали встречаться. У каждого из них была своя довоенная жизнь. Его семья — мать, жена и трехлетняя дочка — погибла при бомбежке поезда, в котором ехала в эвакуацию.

У Лены в прошлом был Петя. Петя... Петина мама почему-то не смогла уехать в эвакуацию в Молотов вместе с сыном. Осталась в осажденном Ленинграде. Когда Петя узнал, что мама умерла от голода, он не смог больше танцевать, ушел

на фронт и вскоре погиб. В его кармане нашли письмо от Елены Бахтиной. Ей и послали похоронку. Больше посылать было некому...

Любви особой не было, но какое-то время им было хорошо и тепло вместе. Кирилл заботился о ней, продолжал лечить ее ногу. И она даже стала меньше хромать. Лена старалась быть предупредительной, внимательной, уступала во всем. Свадьбы не было, просто расписались в загсе. В память об отце менять фамилию она не стала, так и осталась Бахтиной.

Полевые госпитали расформировывались, и Кирилла направили на службу в военный гарнизон за Урал. Они уехали из Молотова вместе с мамой и поселились втроем в сыром бараке в крохотной двухкомнатной квартирке.

Ничем не примечательным был бы этот городок, если бы не старинный храм Успения Пресвятой Богородицы с чудотворной иконой. Он был необыкновенно красив и величествен. Это было воистину сотворенное Богом чудо: маленький, чуть живой после войны городок, — и вдруг такое великолепие! Здесь в провинции годы советского богоборчества почти не ощущались. В воскресные дни густой колокольный звон призывал прихожан на литургию, прекрасно пел церковный хор, и у диаконов были густые, хорошо поставленные басы. На улицах частенько можно было встретить усталых от долгого пути паломников, приехавших поклониться чудотворной иконе — сколько страдающих душ оставила война!

Лена очень хотела стать матерью, но не случилось. Ранение во всем решило ее судьбу. Гинекологи подписали ей приговор. Но много молодых здоровых женщин остались вдовами после войны, да и новое поколение девчат было в пору расцвета.

Ушел Кирилл к молодой, красивой и здоровой. Не таился. Не врал, был прям и честен. Лена со временем простила, поняла, смирилась. Кирилл их с мамой не оставил: раз в месяц обязательно приносил значительную часть своего военного пайка — тушенку, крупы, сахар. В те времена с продуктами в провинции было очень плохо, это была существенная помощь.

Старый, полуразвалившийся барак, в котором они жили, в конце концов окончательно рухнул. Лена с мамой получили небольшую комнату в коммуналке. Прошли годы. Стало несколько легче жить. Они начали копить на кооперативную квартиру. Это было очень трудно. Лена работала в библиотеке в две смены. Мама давала частные уроки музыки, и расстроенное пианино в их комнате не замолкало с раннего утра до позднего вечера. На счастье, соседи были терпеливыми, сами перебивались, как говорится, «с хлеба на квас».

Здесь тоже очень помог Кирилл, на этот раз приличной суммой денег. Лена отказывалась, он, уже отец двоих детей, настаивал. Сошлись на том, что эта сумма выделена им только в долг, что они с мамой со временем вернут ему эти деньги. Через несколько лет они въехали в эту квартиру. К счастью, она не была хрущевкой: с просторной кухней, большой прихожей, с маленьким балконом и двумя смежными комнатами — она казалась им сказочным дворцом. И что особенно радовало их с мамой — это то, что дом, в который они вселились, был построен прямо напротив любимого храма.

По выходным, направляясь на литургию, под густой колокольный гул они переходили на противоположную сторону своей узкой улицы и оказывались на его крыльце. За долгие годы работы в библиотеке Лена неоднократно пыталась узнать историю своего собора, но все было напрасно: советская власть уничтожила все документы, связанные с его сооружением и строительством. Даже фамилия архитектора долгое время была неизвестной.

Только когда в храме появился новый настоятель отец Михаил, когда он стал духовником Елены Ивановны (ей тогда уже перевалило за восемьдесят), только тогда она получила из его рук изданную историю собора Успения Пресвятой

Богородицы, которую он восстанавливал за несколько лет своего служения в нем в соавторстве с матушкой Натальей...

Кирилл неожиданно демобилизовался и уехал куда-то в неизвестном направлении. Отдавать долг было некому. В этой квартире умерла рано состарившаяся мама, и здесь она, Елена Ивановна Бахтина, тоже скоро закончит свои дни...

Подступало очередное лето. Все теплее становилось на улице. Улетели в лес синицы. Марина вымыла окна и сняла кормушку. Успешно сданная сессия осталась позади, и времени стало больше. Друзей у нее не было, и она вдруг начала перечитывать по подсказке Старухи «школьную классику». Читала и удивлялась: неужели она это «проходила» в школе? И как она могла тогда не заметить, как интересно написано то, что она с такой неохотой изучала когда-то в классе. Привычки и любви к чтению не возникало, Марина часто отвлекалась, когда Старуха отправляла ее из дому с какими-нибудь поручениями в магазин или в храм.

Девушку вдруг потянуло в родной детский дом, где все было так знакомо. Конечно, многое изменилось: стали лучше одеваться дети, на окнах висели красивые тюлевые занавески, в спальнях стояли новые кровати и удобные тумбочки, а из пищеблока разносились по лестницам весьма аппетитные запахи. Она приходила сюда не просто так: в игровой комнате строила с малышами дворцы из кубиков, читала сказки детям постарше, учила непритязательные стишки с первоклашками.

Директор детского дома Ольга Сергеевна, воспитавшая ее с малолетства, частенько просила ее помочь в каких-то делах, давала несложные поручения, которые Марина с удовольствием и с готовностью выполняла. Она помогала воспитательнице проводить младших детей на спектакль, который давал областной кукольный театр, приехавший к ним в город на гастроли.

У старших ребят часто бывали спортивные соревнования, она и здесь не была лишней: помогала тренеру, который помнил ее девчонкой, и азартно болела, свистела и выкрикивала речевки вместе с детдомовскими детьми, когда мальчишки на стадионе играли в футбол. Старшеклассники поглядывали на Марину с любопытством, девочки-выпускницы расспрашивали о медицинском колледже, о работе.

И совсем неожиданно какие-то особенные отношения завязались у нее с четвероклассницей Галей Найденовой, «Галкой», или «Галчонком», как ее звали в детском доме. Марина не заметила, как привязалась к этому ребенку. Когда она слышала от девочки знаменитое «че» или «блин», у нее сжималось сердце — она вспоминала себя в ее возрасте.

Девчушка была презабавная, умненькая и очень преданная, не отлипала от нее ни на минуту, так и передвигалась за Мариной следом по всем игровым и спальням. Они вместе просиживали часами на репетициях спектаклей, которые проводила с детьми Наталья Владимировна. Эти занятия не казались им ни скучными, ни длинными. Галке было все равно, чем заниматься — лишь бы быть рядом с Мариной.

Вот и сегодня, наигравшись с малышами, они направились в актовый зал. Марина давно не видела матушку Наталью, соскучилась, и хотела ее кое о чем спросить.

Никакого актового зала в детском доме не было. В большой столовой, на ремонт которой у Ольги Сергеевны все время не хватало денег, была неглубокая и невысокая дощатая сцена. В будние дни она выглядела довольно убого, но по праздникам, усилиями старших воспитанников и воспитателей, приобретала вполне достойный вид. На проволочных тросах закреплялся гобеленовый занавес, из кладовой приносились два стареньких софита, развешивались разноцветные воздушные шары и праздничные транспаранты. Стулья в столовой выстраивались в ровные ряды. Зал украшался в зависимости от праздника и выглядел скромно, но очень по-домашнему.

Когда Марина вошла, держа за руку притихшую Галину, тяжелая дверь столовой пронзительно скрипнула. На голой сцене стояли два старших воспитанника и внимательно слушали наставления Натальи Владимировны, сидевшей перед ними на стуле. Но, увидев Марину с Галкой, они забыли о репетиции и с любопытством уставились на них. Марина даже смутилась.

— Простите нас, пожалуйста. Можно мы с вами посидим?

— Ну, конечно. — Матушка Наталья приветливо улыбнулась и показала на стулья рядом с собой. — Это очень хорошо. Мальчики, — сказала она строго, повернувшись к своим артистам. — Я понимаю — вы устали. Но я прошу вас обоих — соберитесь и в последний раз прочитайте все сначала. У нас теперь есть зрители, вот для них и прочитайте эти стихи так, чтобы вас было интересно слушать. Ну, с Богом! Федор, начинай.

Марине этот мальчик всегда нравился — такой подтянутый не только внешне, но как-то внутренне. Немногословный, но с грамотной речью и выразительным голосом. Матушка Наталья заприметила его еще в младших классах и стала занимать во всех спектаклях, которые ставила в драмкружке.

Федор откашлялся и начал читать.

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль за чем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Наталья Владимировна удовлетворенно кивнула головой. Федор и вправду прочитал это стихотворение очень достойно. Марине понравилось.

— Теперь ты, Миша. Только постарайся не зевать.

Миша выпрямился, откашлялся и прочитал свое.

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светел ум!*

— Ну, как тебе? — повернулась Наталья Владимировна к Марине. Мальчики выжидательно смотрели на нее.

— Мне очень понравилось... — и добавила: — Вы молодцы, мальчишки.

— Все, ребята. Вы свободны до четверга. Передайте девочкам, что в четверг будем репетировать «Руслана и Людмилу». А ты, Федор, еще поработай над монологом Пимена.

Ребята дружно покивали и, попрощавшись, вышли из столовой.

— А чьи стихи они читали?

Матушка Наталья укоризненно взглянула на Марину.

— Федор читал Пушкина.

— Опять Пушкин!

— Почему «опять»?

— Потому что я Пушкина, оказывается, совсем не знаю.

— Неужели не знаешь?

Марина расстроено вздохнула.

— Не знаю, Наталья Владимировна. Я ничего не знаю!

Матушка засмеялась.

— Эту фразу сказал один древний философ. Так что ты не огорчайся, на первую ступень познания ты уже поднялась.

Но Марина даже не улыбнулась в ответ.

— Но ведь второе стихотворение противоречит первому. Это тоже Пушкин?

— Нет, конечно. Это митрополит Филарет написал ответ на его стихи. Современник Пушкина, писатель и поэт, удивительный человек. Ты ведь поняла, почему я выбрала этот поэтический диалог?

— Кажется, поняла. Вы мне расскажете когда-нибудь про этого митрополита?

— Ты в Интернете про него почитай. А еще лучше, поговори с отцом Михаилом. Он диссертацию о нем защищал, много интересного тебе расскажет. Все, все, Марина, мне надо домой бежать.

— Наталья Владимировна, вы извините... — смущенно попросила Марина. — Я на минуту вас задержу. Я кое о чем спросить хотела...

— У тебя какие-то проблемы?

— Нет, у меня все нормально. Вы не знаете случайно, в той квартире, в той комнате, на которую у меня смотровая была, никто не живет?

— Месяца полтора назад я Валентину встретила, слава Богу, трезвую. Она мне сказала, что к ним все-таки поселили какого-то парня из детдома. Он там прописался, за жилье платит исправно, но живет где-то в другом месте. Ты знаешь, кто это?

— Да, Николай Найденов.

— Из вашего выпуска? Николай? Что-то не припомню.

— Мы дружили. Я его ищу. Несколько раз ему звонила, сначала мне сообщали, что абонент недоступен, а потом вообще оказалось, что его номер не обслуживается. Вообще-то он у знакомых сторожем работал на даче, наверно, там и живет.

Раздался звонок в дверь — это пришел отец Михаил с дароносицей. Он, как и прежде, приходил по просьбе Елены Ивановны, но в то время, когда Марина была дома и могла ему открыть. Уходить было проще — легко защелкивался один из многочисленных замков, и, подергав для проверки ручку двери, можно было спокойно покинуть дом.

Получив благословение, Марина куда-то убежала, а священник приступил к выполнению своего пастырского долга. После они еще немного поговорили. Елена Ивановна вести долгие беседы была уже не в состоянии, да и отец Михаил торопился по своим приходским делам. Но она неожиданно остановила его в дверях.

— Как там дела с новым домом? Когда его будут сдавать? Я у Марины спрашиваю, она в ответ только плечами пожмет или буркнет что-нибудь нечленораздельное. Ничего добиться не могу.

Отец Михаил внимательно посмотрел на нее.

— Она вам ничего не сказала?

— А что она должна была мне сказать?

Он ответил не сразу. Подумал и произнес:

— Она отказалась от квартиры. Давно.

— Отказалась?! Почему?

— Она решила остаться с вами...

Когда за духовником захлопнулась тяжелая дверь, Старуха еще долго лежала неподвижно, глядя тусклыми глазами в потолок. Потом словно встрепенулась и села в постели.

Дежурный завтрак, оставленный Мариной, стоял на журнальном столике. Она налила себе из термоса чаю, расплескав его на пододеяльник, и мысленно отругала себя за неуклюжесть. Потом с аппетитом съела два сытных бутерброда и, отодвинув чашку подальше, взяла в руки мобильный телефон, который всегда лежал возле ее подушки.

Прошло несколько дней, и, когда Марина вечером собиралась на дежурство, вдруг раздался звонок в дверь. Она вопросительно посмотрела на Елену Ивановну.

— Открой, — кивнула та. — Это ко мне.

Марина открыла дверь. Женщина средних лет, держа в руках небольшой тонкий портфель, прошла в комнату к Старухе.

— Здравствуйте, Елена Ивановна.

— Здравствуйте. Наконец-то я вас дождалась! — непривычно приветливо прозвучал голос хозяйки. — Садитесь, пожалуйста, где вам удобно.

Марина, конечно, очень удивилась, но надо было спешить на работу.

— Я ухожу! — возвестила она в дверях.

— До свидания! Всего хорошего, девочка.

Она даже поперхнулась. Никогда Старуха не разговаривала с ней так ласково. Отнес этот порыв к присутствию гостьи, Марина фыркнула, пожала плечами и побежала на дежурство.

Недели через две, когда после работы Марина вернулась домой, Старуха показала ей на удивление бодрой. У нее был какой-то торжественно-загадочный вид. Она велела накрыть завтрак на журнальном столике. Они поели, перебрасываясь какими-то незначительными фразами. Марина, конечно, ломала голову, что такое случилось с ее подопечной, но ни о чем не спрашивала. Когда стол был водворен на свое обычное место, Старуха торжественно произнесла:

— Сядь, Марина...

Марина послушно села, вопросительно глядя на нее.

Старуха неловко повернулась на бок и попыталась вытащить маленький ящик прикроватной тумбочки.

— Помоги-ка мне... Вытащи его совсем и положи сюда.

Она похлопала сухой ладонью по своему животу.

Марина с трудом вытащила ящик из тумбочки. Он был набит какими-то бумагами.

— Вот, девочка... Я поздравляю тебя, — сказала Елена Ивановна. — Теперь у тебя есть своя собственная двухкомнатная квартира.

Марина удивленно и недоверчиво смотрела на Старуху, ничего не понимая.

— Но ведь дом еще не сдан...

Та засмеялась хриплым коротким смехом.

— Не ври, пожалуйста. Про ту квартиру я все знаю. А сейчас я тебе про эту квартиру говорю. Не понимаешь? — Она обвела трясущейся высохшей рукой вокруг себя. — Вот эти царские хоромы теперь твои. Та женщина, которая ко мне приходила, — нотариус. Я оформила на тебя дарственную. Вот она. Теперь ты — владелица этой жилплощади, а я у тебя — квартирантка.

Медленно-медленно доходил до Марины смысл сказанного. Когда поняла, резко закружилась голова, она почти упала со стула. Сползла с него, опустилась на колени перед постелью Старухи, прижалась лицом к ее высохшей руке и вдруг заплакала. Первый раз в своей сознательной жизни.

— Ты что, плачешь? Ну, будет, будет...

Елена Ивановна погладила ее по голове свободной рукой. Подбородок ее дрожал, она тоже плакала.

— Ну, хватит нам реветь. Не передо мной надо падать на колени, а в храме перед иконой Спасителя. Говорят, что Господь дает долгую жизнь некоторым людям потому, что они чего-то главного не совершили на этом свете. Наверно, эта дарственная — лучшее, что я сделала в этой жизни. Сядь сюда, — она похлопала высохшей ладонью по краю постели. — Давай все обсудим.

Марина наконец поднялась с пола. Села рядом.

— Ну, успокоилась? Ты завтра не работаешь? Вот... В храм сходи к отцу Михаилу. Он все знает. Я это решение приняла с его благословения. Он тебя сведет с приходским юрисконсультom...

— Я его знаю. Константин.

— Да, так, кажется. Он тебе поможет оформить все юридические документы на собственность... А теперь другая тема... Вот эти две сберкнижки с немалыми деньгами. Мне, как ты знаешь, последние лет двадцать пять деньги были ни к чему. Пока работала, откладывала на «черный день», война приучила. А потом пенсию участникам войны серьезно подняли, тоже капало потихоньку. На обе эти книжки оформлены доверенности на тебя, ты можешь ими воспользоваться в любой момент.

— Мне не надо, Елена Ивановна...

— Молчи и слушай. Вот эта книжка — похоронная. Когда помру, похоронишь меня достойно, тебе в храме помогут. Обязательно отпевай, я — человек верующий, как ты знаешь, еще с советских времен. Отец Михаил, как мой духовник, все, что нужно, сделает.

Марина хотела что-то сказать, но Старуха отмахнулась.

— Не перебивай, я устала, а надо еще кое-что сказать. А вторая сберкнижка — тебе на жизнь. Ей ты можешь воспользоваться в любое время, хоть сегодня. Купи себе современный компьютер и все, что к нему полагается, хороший мобильный телефон, пуховик, сапоги зимние, осенние... Купи все, чтобы чувствовать себя человеком. Здесь тебе на все хватит. Или, может быть, тебе с работы уйти? Твои санитарские копейки ничего не стоят по сравнению с этой суммой. На учебный год тебе на жизнь хватит, а получишь диплом — начнешь более-менее зарабатывать, независимым человеком станешь.

— Нет, нет... — Марина даже испугалась. — Зачем я буду вашими деньгами...

— Ладно... — согласилась Старуха. — Дело твое. Будет тебе мое наследство.

Марина опять хотела что-то сказать, но Елена Ивановна только рукой махнула.

— Все, закончили. У меня больше нет сил.

Она устало откинулась на подушки и закрыла глаза. Марина почти бесшумно исчезла в своей комнате. Она давно научилась ходить тихо, не громыхая, как пре-

жде, своими шлепанцами. Она вообще многому научилась за этот год, и эта жизнь с новыми правилами поведения даже начинала нравиться ей.

Старуха быстро провалилась в забытие. И, стирая собой другие воспоминания, всплыли перед ней два самых дорогих лица: давно умершая мама и, конечно, Петя Орлов, молодой, жизнерадостный, талантливый...

К осени Марине все-таки пришлось оставить работу: Елена Ивановна стала совсем плоха. Все чаще она теряла ощущение реальности, ей казалось, что события давних лет перенеслись в сегодняшний день. Иногда она называла Марину «мамой», иногда «матушкой», путая ее с Натальей Владимировной. Подолгу молчала, бессмысленно разглядывая тени на потолке. Оставлять ее одну было невозможно. Петр Васильевич, не задавая лишних вопросов, подписал Марине заявление на отпуск без содержания. Пока на месяц.

В конце сентября, в темный слякотный вечер, Елена Ивановна потеряла всякий контакт с миром. Марина вызвала скорую. Знакомый врач подошел к постели больной, которая уже дышала тяжелым хлюпающим дыханием, покачал головой и посоветовал вызвать священника. Отец Михаил, отслужив всенощную, был еще в храме и потому пришел очень быстро. Чуть позже прибежала и матушка Наталья. Елена Ивановна Бахтина, как она и хотела, отошла в мир иной под молитвы священника.

Прошло немало времени. Марина окончила колледж, потом — курсы специализации и осталась медсестрой в реанимации. Здесь она чувствовала себя на самом краю человеческого бытия. Часто слышала от Петра Васильевича и дежурных врачей, беседующих со взволнованными родственниками больных:

— Мы делаем все возможное, но... Половина успеха — от нас, остальное — от Господа Бога...

И Марина каждый день убеждалась в правоте этих слов. Больные, казалось бы, находящиеся в двух часах от конца своего пребывания на земле, выкарабкивались, а другие, вполне перспективные в плане лечения, неожиданно покидали этот мир.

Нередко именно здесь, в реанимации, неверующие люди вдруг обращались к Богу, просили родственников призвать священника, чтобы креститься перед смертью. Если заведующий отделением разрешал, то просьбы эти выполнялись. Отец Михаил был здесь нередким гостем. Приходили и другие священники храма, совсем молодые, чуть постарше Марины. Соборовали умирающих и причащали тех, кто был в сознании и с кем разрешали беседовать врачи.

Работу свою она любила и не могла теперь себя даже представить на рабочем месте в каком-то другом отделении.

Но после ухода Елены Ивановны Марина затосковала. Она опять чувствовала себя совершенно одинокой. Пусто было везде: и в доме, и в душе. Медсестер в отделении не хватало, поэтому ей были даже благодарны, когда она набрала себе дежурств, только бы не оставаться дома одной.

Иногда Марина вдруг ловила себя на том, что после дежурства она не идет, а бежит домой, как в прежние времена, когда ее ждала беспомощная Елена Ивановна. Марина резко останавливала себя — куда бежать? Зачем? Дома никого нет, все тихо, спокойно, даже радио и телевизор она включала редко. Работа в отделении реанимации тяжелая, ответственная, педантичная. Усталость накапливалась, давала себя знать. Но, вернувшись из больницы домой в пустую квартиру, Марина подолгу сидела в кухне, не прикасаясь к остывающей еде.

Снова и снова вспоминала она тот день, когда впервые переступила порог этого дома, свои бесконечные стычки со Старухой, проглоченные обиды, эти очень

тяжелые физические и морально месяцы, когда она училась в колледже, работала, была «Золушкой».

Ту самую фронтовую фотографию, где девушка-балерина стоит в пуантах и в легкой пачке на ящике из-под снарядов в накинута на плече замасленном ватнике, Марина отнесла в фотоателье и попросила сделать портрет. Она повесила его на стене в комнате Елены Ивановны, в которой все оставалось на прежних местах.

Ощущение пустоты и тяжести в душе не проходило, она поделилась этим с матушкой Натальей, которая навестила ее как-то вечером. Она часто приходила к Марине со своими детьми, пыталась ее отвлечь от грустных мыслей, подробно рассказывала о жизни и проблемах прихода. Дети шумели, задавали кучу вопросов, на которые Марина едва успевала отвечать. Матушка давала ей какие-то мелкие поручения: то купить для воскресной школы краски и фломастеры, то распечатать на принтере роли для детей, участвующих в рождественском спектакле...

— Ты напрасно устроила из квартиры мемориальный музей, — строго сказала она, оглядевшись. — Надо превратить ее в жилище современной девушки.

Она позвонила кому-то по телефону, и через полчаса в доме появились двое молодых парней из молодежной группы храма. Марина было смутилась, но матушка погрозила ей пальцем, и смущение куда-то ушло. Старая металлическая кровать Елены Ивановны была разобрана и вынесена на улицу. Вслед за ней покинули квартиру дребезжащий журнальный столик и прикроватная тумбочка. Кое-какая мебель поменялась местами, а инвалидное кресло было отправлено домой к нуждающейся в нем прихожанке. Матушка Наталья взяла с Марины слово, что она расстанется и со скрипучим диваном, на котором спит, купит себе что-то более подходящее и современное. Ну а летом надо непременно сделать косметический ремонт — обои совсем грязные и потолок сыпется.

Она долго стояла перед стеллажами с книгами, занимавшими всю стену гостиной.

— Сколько книг тебе Елена Ивановна оставила! На всю жизнь хватит.

Марина только вздохнула.

— Это так. Только я не знаю, с какой начинать.

— С самой первой, — улыбнулась матушка. — А если серьезно, то у меня есть предложение. Я в православной гимназии, где наши дети учатся, для родителей провожу лекторий по вторникам «Русская литература и православие». Хочешь, приходи.

— Очень хочу! Завтра свой график дежурств на месяц посмотрю, поменяюсь, если что, освобожу все вторники...

Квартира преобразилась. Марине и в самом деле стало легче. Шумная перестановка закончилась веселым чаепитием на кухне, у Марины появились новые друзья. Она дала им твердое слово, что переставит свои дежурства, освободит несколько дней и поедет вместе с молодежной группой поработать в ближайший монастырь.

Она больше не сидела дома в одиночестве. В свои выходные она теперь часто бывала вместе с отцом Михаилом во вновь отстроенном православном реабилитационном центре за городом, помогала оборудовать там медицинский кабинет. И даже прочитала три лекции для прихожан по уходу за лежащими больными...

Проходило время, острота утраты стихала, свободное время поглощали трудовые заботы и хлопоты. Марина привыкала жить одна. За ней оставался только один долг, который не давал ей покоя: она ни на минуту не забывала, что обещала Елене Ивановне передать ее фотографии в Театральный музей Петербурга. Но Марина была провинциальным человеком, никогда прежде не выезжала за преде-

лы родного города. Она все откладывала и откладывала эту поездку: решиться на такое далекое самостоятельное путешествие было очень трудно.

И снова пришла зима. День сегодня получился длинным и хлопотным. С утра отец Михаил отслужил раннюю литургию, потом поехал в загородный реабилитационный Центр, где нашел еще неспавшихся после вчерашних возлияний рабочих. Расстроился, поднял их, отругал и, заставив поесть, отправил на работу. Дел в Центре осталось совсем немного, но с такими «тружениками» их не закончить и к следующей Пасхе.

Вернувшись в город и кое-как перекусив в приходской трапезной, он поспешил на вокзал встречать реставратора из Петербурга. Специалистов из Русского музея он пригласил сам, его всегда беспокоила сохранность древней иконы Богородицы, святыни храма, и реставраторы по его приглашению появлялись в соборе нередко. Отец Михаил встретил петербургского гостя, устроил в гостинице и повез к «больной для постановки диагноза». Заключение специалиста было вполне благоприятным: состояние ее соответствует возрасту и никаких лечебных процедур не требуется.

Освободился отец Михаил только поздним вечером после соборования на дому больной прихожанки, духовником которой был.

«Человек может прожить очень много лет, но так и не понять себя. Не понять, что все поступки, которые он совершает в жизни — это его ежедневный выбор между добром и злом, это его путь к Богу или от него...»

Так размышлял отец Михаил по дороге домой. За долгие годы служения многих своих прихожан он знал очень близко. У кого-то был духовником, в каком-то доме причащал умирающего, в какой-то молодой семье успел окрестить двух, а то и трех детей. Он разделял горе и радость многих, и люди платили ему добрым отношением, отзывчивостью.

Он шел домой знакомой дорогой, которая проходила мимо родного храма. Улица была пустынна, падал пушистый снег и подгонял мороз. Луна светила ярко, но храм по ту сторону улицы был освещен слабо: сколько ни бился отец Михаил, ему так и не удалось получить разрешение на хорошую подсветку. А жаль. При хорошем освещении собор даже темной зимней ночью смотрелся бы великолепно. Старинный храм Успения Пресвятой Богородицы, в котором он был настоятелем вот уже восемнадцать лет, был величественен и красив сам по себе. Чудом уцелевший в годы богоборчества, он пережил и Гражданскую войну и войну Отечественную и не закрывался ни на один день.

Более ста лет в храме находилась древняя чудотворная икона Богоматери, поклониться которой, помолиться перед ней приезжали паломники не только из соседних городов и сел, но даже из-за границы.

Отец Михаил привычно окинул взглядом свой храм: его окружала невысокая простенькая металлическая ограда, на калитке которой, как всегда по ночам, висел тяжелый амбарный замок.

И вдруг священник остановился как вкопанный: входная дверь храма была приоткрыта. В первый момент он даже своим глазам не поверил. Сторожа в приходе не было, но после окончания вечерней службы матушка Мария, человек очень надежный и ответственный, руководившая нынче воскресной школой и живущая в соседнем доме, гасила свет, запирала все двери и включала сигнализацию.

Ключи были только у священников храма и у нее, более никто к ним доступа не имел. Если в соборе был кто-то из своих, то почему заперта на замок калитка? Отец Михаил заметил короткие яркие вспышки фонарика в темных окнах храма.

Стараясь подавить волнение, он остановился, вызвал полицию по мобильному телефону, потом перешел улицу и встал за угол ближнего дома, не спуская глаз с распахнутой двери собора.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на широкой паперти появились двое мужчин. Скорее всего молодых парней. Они двигались почти бесшумно и почти не разговаривали. Один из них держал в руках какой-то продолговатый предмет. Отец Михаил вздрогнул, узнав: это была та самая чудотворная икона, он узнал бы ее даже в полной темноте и с закрытыми глазами. Грабители поспешили к ограде. Первый из них легко перебрался через нее и протянул руки за образом.

— Беги! — услышал отец Михаил.

Команда была исполнена мгновенно: вор, держа в согнутых руках небольшую, но весьма тяжелую в окладе застекленную икону, побежал прямо на отца Михаила. Священник крепко вцепился в рукав его куртки.

— Стой!

Парень — это был, действительно, молодой парень, отец Михаил даже при неясном свете уличных фонарей хорошо разглядел его лицо — от неожиданного толчка и испуга выронил священный образ, который, жалобно звякнув разбитым стеклом, шумно упал прямо на обледенелый асфальт.

Отец Михаил мгновенно забыл о грабителе, наклонился к иконе, чтобы поднять ее с земли, протянул к ней руки и вдруг почувствовал острую боль в боку, потом в спине. Что-то горячее, липкое потекло у него под курткой между лопаток. Потемнело в глазах, и он упал на землю рядом с иконой.

— Ты что наделал?! — теряя сознание, услышал он срывающийся от страха, почти мальчишеский голос. — Зачем? Ты что натворил?!

— Идиот! Он нас видел! Да брось ты эту фанеру, бежим!

Подъехавшие через несколько минут полицейские увидели распростертое на асфальте тело священника, обнимавшего окровавленный образ Пресвятой Богородицы. Рядом валялась тяжелая серебряная цепочка, выпавшая, очевидно, из кармана грабителя.

Марина любила дежурить с заведующим отделением. С ним она чувствовала себя уверенно. Когда Петр Васильевич дежурил, в отделении стояла деловая, сосредоточенная тишина. Он никогда не повышал голоса на персонал и отдавал четкие вразумительные распоряжения в случае экстремальной ситуации.

Конечно, заведующий мог позволить себе какое-нибудь ядовитое замечание, но оно почему-то у Марины не вызывало обиды, а только улыбку и желание ответить при случае в таком же духе. Петр Васильевич, несмотря на свои пляжные тапки, передвигался по отделению совершенно бесшумно и мог неожиданно возникнуть за спиной в самый ответственный момент проведения какой-нибудь сложной процедуры.

Если сестра была занята с одним тяжелым больным, а одновременно другой требовал ее немедленного внимания, он спокойно выполнял все сестринские обязанности, не считаясь с субординацией.

Сегодня ночью в отделении было трое больных: двоих привезли недавно из операционной после планового вмешательства. Они еще не вышли из наркоза и спали. Но молодая девушка с токсической пневмонией была очень тяжелой. Днем Петр Васильевич перевел ее на управляемое дыхание, и тишину в палате нарушал только ритмично хлопающий аппарат.

Дверь в кабинет заведующего, как всегда, была раскрыта настежь, и Марина слышала, как у него на столе зазвонил телефон. Через пару минут он появился в дверях расстроенный и озабоченный.

— Я — в операционную. Священника привезли с ножевым ранением. Говорят, тяжелый.

— Священника?! — У Марины даже голос сорвался. — Которого?

— Сейчас все узнаю.

Он торопливо вышел из отделения. Марина набрала номер местного телефона.

— Раиса Дмитриевна, это Марина Найденова из реанимации. Кого вам привезли с ножевым?

Услышав ответ, она медленно опустилась на стул.

Очень долго тянулись следующие два часа. Трое больных, находящихся под ее наблюдением, не требовали сиюминутного внимания, Марина не ослабляла бдительности, но была очень напряжена. Сначала она рванулась к телефону, чтобы позвонить Наталье Владимировне, но вовремя остановилась. Вряд ли из приемного отделения не сообщили матушке о случившемся несчастье. Скорее всего, она уже здесь, в больнице. Где-нибудь у дверей операционной. Можно было бы послать за ней санитарку и, если придет, попытаться ее как-то поддержать. Но, зная Наталью Владимировну, Марина не стала суетиться. Не нужно ничего нагнетать: после операции отца Михаила непременно привезут сюда, в реанимацию, тогда можно будет поговорить и с его женой.

Была уже глухая ночь, когда на пороге отделения появился Петр Васильевич и, встретив вопросительный взгляд Марины, устало произнес:

— Сделали все, что смогли. Спасла толстая куртка, хотя кровопотеря большая. Пришлось удалить селезенку. Сегодня Степанков дежурит, ты ведь знаешь, он — ас по ножевым...

— Кто его ранил?

— Сразу задержали каких-то двух подонков. Они храм обчистили, икону, ну, ту самую, чудотворную, пытались вынести. Отец Михаил случайно мимо шел. Попытался их остановить... Вот такие дела. Сейчас его привезут, ты подготовь там... ну, сама знаешь.

— А жена? Жена здесь?

— Да. Конечно. Так под дверью операционной и простояла больше двух часов.

Вскоре отца Михаила переложили на функциональную кровать в реанимационной палате. Он был еще в глубоком наркозе, активных действий от персонала не требовалось, и Марина наконец вышла в коридор. Матушка Наталья со старшей Ксюшей сидели на короткой банкетке, крепко прижавшись друг к другу. Матушка была очень бледна, но сдержанна, Ксюша глотала слезы, отворачиваясь от матери. Наталья Владимировна поднялась со своего места, увидев медсестру, но, узнав Марину, вздохнула с облегчением.

— Ты дежуришь? Слава Богу, свой человек рядом. Как он?

— Спит. И еще долго спать будет. Он под наркозом сейчас. Но операция прошла успешно. Сегодня очень хороший хирург дежурит. Он у нас лучше всех оперирует ножевые ранения.

— Да... Мне операционные сестры сказали... Меня к вам в отделение не пустят?

— Сейчас — нет, конечно. А потом — по состоянию. Вы ему сейчас ничем не поможете. Идите домой, матушка. Успокойтесь хоть немного и молитесь.

— За него весь приход сейчас молится. Уже все знают. Весь город знает, — всхлипнула Ксюша.

— Держитесь. Я буду звонить вам каждый час.

— Когда в сознание придет, позвони.

— Обязательно.

— Ты утром сменишься?

— Сменюсь. Но домой не уйду. И Петр Васильевич, наш заведующий, это он наркоз давал, тоже будет завтра здесь до конца рабочего дня.

Матушка тяжело вздохнула, но возражать не стала.

— Пойдем, Ксюша.

Марина проводила их до дверей приемного отделения, через которое только и можно было выйти из больницы в ночное время.

К утру отец Михаил посмотрел на Марину вполне ясным взором. Не сразу, конечно, но сознание возвращалось к нему. Он понял, где находится, вспомнил, что случилось в эту ночь. Он был очень слаб, бледен, но попытался даже улыбнуться, когда узнал Марину, которая склонилась над ним, подсоединяя к подключичному катетеру очередную капельницу. Он хотел что-то сказать, но она приложила палец к губам.

— Тихо, тихо... Сейчас — спать! После поговорим. Матушке Наталье я позвоню. Спать, спать...

И отец Михаил закрыл глаза. Рядом тихо работал какой-то аппарат — «хлоп — хлоп». И под это успокаивающее ритмичное хлопанье он погрузился в глубокий послеоперационный сон.

На второй день Марина слышала, как Петр Васильевич сказал матушке Наталье:

— Состояние тяжелое. Но стабильное. Пока никаких негативных сюрпризов. Но вы, более, чем кто-либо, должны понимать: половина успеха зависит от нас, половина — от Господа Бога, которому он служит.

— Я знаю. Марина говорила.

— Марина — молодец, — кивнул Петр Васильевич. — Она от постели вашего мужа ни на шаг не отходит. Все назначения врачей сама выполняет. Поставила себе подряд несколько дежурств. Так не положено, но домой все равно не уйдет, я ее знаю, пришлось смириться.

На третий день к отцу Михаилу пустили жену и, очень ненадолго, следователя.

Но допросить его следователь не успел. Спрашивал отец Михаил.

— Икона... — Больной говорил еще очень тихо. Было больно не только говорить, но даже дышать. — Где икона?

— С иконой все в порядке, не волнуйтесь. Она в спецхране, опечатана. Хорошо, что реставратор не успел в Петербург уехать. Внимательно ее осмотрел и никаких повреждений не заметил. Стекло, конечно, придется новое вставить. А все серебро, похищенный из храма, находится у меня в сейфе.

— Образ надо вернуть людям... В храм...

— Вернуть ее до суда мы не можем, поскольку она — вещественное доказательство. Как только пройдет суд, а он будет только после того, как вы выйдете из больницы, все украденное будет возвращено в храм.

Отец Михаил прикрыл глаза в знак согласия.

— Кто они, эти разбойники?

— Да так — мелкие воришки. Икону похитили по глупости, слышали про реставратора, поняли, что она — большая ценность. Хотели разбогатеть, но даже не подумали, куда ее девать? Вокруг нас леса и болота, единственная шоссейная дорога через город проходит, далеко не уедешь. И нож этот придурак в ход пустил с перепугу. Говорит, что вы их увидели и могли признать...

— Сигнализация... Почему была отключена сигнализация?

— Там хитрая история... Матушка ваша... забыл, как ее зовут...

— Мария.

— Да, Мария. В тот день приболела. Поручила закрыть храм и включить сигнализацию своей дочке, довольно кокетливой девице. Та вроде бы все сделала, как надо, но дверь запереть не успела. Парни эти не собирались храм грабить, шли мимо. Эта девчонка их знакомой оказалась. Они ее увидели, решили, что можно рискнуть. Принялись зубы ей заговаривать. Один с ней болтал, отвлекал, а второй

за ее спиной отключил сигнализацию, которую она только что включила... Девушка спокойно домой ушла. Замки в дверях собора не слишком надежными оказались, ну и кое-какой воровской опыт у этих разбойников имелся... Вот так они и оказались в храме.

Сам следователь едва успел задать священнику несколько вопросов, как Петр Васильевич выпроводил его из отделения. На пороге успокоил:

— Если все пойдет по плану, то дня через два-три мы отца Михаила в палату хирургического отделения переведем. Там все свои вопросы и зададите.

В зале суда собрался почти весь город. Покушение на настоятеля храма, любимого священника, кража чудотворной иконы и воровство ювелирных изделий из церковной лавки наделали много шума. Были здесь не только прихожане собора, но и много членов городского правительства во главе с самим председателем муниципалитета, который прекрасно знал отца Михаила и даже посетил его несколько раз в больнице. Прибыв в зал суда одним из первых, председатель встретил отца Михаила с матушкой Натальей прямо в дверях, сел рядом с ними и расспрашивал, как здоровье, все ли в порядке с домашними и не нужна ли его, начальника, помощь. Марина, конечно, тоже была здесь.

— Ненавижу этих подонков. Если им хороший срок не дадут, я письмо президенту напишу. В больнице все сотрудники подпишутся.

— Угомонись, Марина... — урезонивала ее матушка Наталья. — Сама себя не заводи и людей не баламуть. Вразумит Господь судью и заседателей, вот увидишь, они примут справедливое решение.

Марина исподтишка взглянула на отца Михаила. Тот поймал ее взгляд, укоризненно прокачал головой.

— Видать, плохо ты мои проповеди слушала.

Марина упрямо встряхнула головой.

— Я всегда вас внимательно слушаю, отец Михаил. Я прекрасно помню, что вы всегда убеждаете ненавидеть сам грех, а не человека, его совершившего. Но это легко сказать, а как сейчас отделить одно от другого?

Народу было так много, что Марина едва поместилась на крайнем сидении у самой «клетки» для обвиняемых. Их привели скоро. Все взгляды присутствующих в зале повернулись к ним, люди возмущенно зашумели, и судье пришлось повысить голос.

Город был небольшой, многие жители узнавали грабителей: кто-то видел их в подозрительной компании, кто-то в рюмочной, кто-то в магазине. Подняла взгляд на арестантов и Марина. Возмущенный и негодующий: что же это за нелюди такие, что могли поднять руку на священника? И обмерла. В «клетке» сидел Колька, Николай Найденов, ее названный брат по детскому дому.

Колька, встретив ее потрясенный взгляд, тут же низко опустил голову и спрятал бледное осунувшееся лицо в поднятый воротник куртки. Сердце Марины сильно билось, голова просто трещала, звенело в ушах. Она никак не могла прийти в себя и почти не слышала, что происходило в зале суда. На Кольку она больше не смотрела.

Заседание длилось недолго. Обвиняемые свою вину признали, попросили прощения у отца Михаила и его жены, а также у всех прихожан храма за попытку украсть святыню. Марина плохо слышала речь прокурора, после него выступал защитник. Говорил что-то о Колькином детдомовском детстве, о том, что это серьезное преступление было совершено обоими по глупости. Оно не было заранее продумано и спланировано. Отец Михаил в своем слове просил смягчить наказание обоим подсудимым, обещал не бросить их в колонии и, по возможности, помочь их становлению на правильную дорогу.

Когда подсудимым дали последнее слово, Николай встал, откашлялся и хрипло произнес:

— Простите, отец Михаил. Вы меня крестили. А я... Простите.

Голос его дрогнул, и он замолчал, отвернувшись.

Ему дали два года колонии. Его приятелю — шесть лет за причинение тяжкого вреда здоровью. Когда арестованных уводили из зала, Колька оглянулся и через плечо конвоира убитыми влажными глазами посмотрел на Марину.

— Я тебя найду! — звонко крикнула она ему в спину, перекрывая шум зала, из которого выходили люди. — Я тебя обязательно найду!

Кольку увели. Ноги у Марины подкосились, и она без сил опустилась на скамью.

— Ты его хорошо знаешь? — Подошел к ней отец Михаил.

— Очень хорошо... С самого детства, мы учились в одном классе. Как только его отправят в колонию, я поеду к нему. Он совершенно один. Совершенно.

Марина знала, что значит «один».

Отец Михаил подал ей руку, поднимая со скамьи.

— Мы его не оставим, обещаю тебе.

— Пойдем-ка, Мариша, к нам обедать, — позвала матушка Наталья. — Сегодня у нас Ксения дежурит по кухне, обещала накормить нас вкусным обедом.

Сразу поехать в колонию к Николаю не получилось: начался сезон отпусков, и времени не стало совсем. У коллег-медсестер появилась куча причин, чтобы уйти отдыхать летом. Одна, давно перешагнувшая пенсионный возраст, неожиданно решила уволиться, и никакие уговоры поработать еще пару месяцев не помогли. Другая — жена военнослужащего, ее положено отпускать вне всякого графика, в зависимости от отпуска мужа, а его отправили отдыхать в середине июля... Ну и так далее. А Марина — человек несемейный, ни мужа, ни детей, никаких проблем. Пришлось взять много дежурств, чтобы окончательно не оголять отделение.

За это время Марина написала Кольке несколько писем, на которые он не ответил. Просто не ответил — и все.

— Не спеши... — урезонивал ее отец Михаил. — Дай ему все осознать, понять, что произошло, разобраться в себе. Пусть он придет в себя, адаптируется в новых условиях.

— Я боюсь за него... — вздохнула Марина. — Он вздорный, вспыльчивый, заводной. Его там убьют.

— Не убьют, конечно, но кое с чем ему придется смириться. Привыкнет к дисциплине, к необходимости подчиняться. Наш приходской юрист Константин Игоревич, ты его знаешь, навел справки об этой колонии, она на хорошем счету. Там есть небольшая фабрика по производству обуви. Заключенные изготавливают рабочую обувь. Захочет твой названный братец — с Божьей помощью получит еще и специальность обувщика. К Рождеству там должны открыть храм, я тогда со священником свяжусь, попрошу на Николая внимание обратить.

Но Марина не согласилась со своим духовником. В конце августа появилась наконец возможность взять отпуск, и она решила, что поедет к Николаю без его благословения. Конечно, было стыдно и неловко, но мысли о Кольке не давали покоя.

Не имея никакого представления о жизни в колонии, но начитавшись и наслушавшись от знакомых всяких жутких историй о нравах среди заключенных, она рисовала себе кошмарные картины истязаний и унижений своего названного брата. Участие в грабеже храма, краже святыни, ее собственное недавнее негодование по поводу его преступления отступили в прошлое. Остался только страх за его сегодняшнюю жизнь.

Она впервые покидала свой город, отправившись в такое дальнейшее путешествие. Было тревожно и боязно. Накануне первого сентября удалось купить только место на верхней боковой полке плацкартного вагона. Почти двое суток она ехала на север в вагоне, переполненном детьми.

Марина решала кроссворды и смотрела в окно на убитые деревни и разбитые дороги. На нужной станции, на которую прибыли с рассветом, платформы не было, пришлось прыгать со ступеньки тамбура прямо на гальку между рельсами. Потом она ждала несколько часов рейсовый пазик, который курсировал в нужном направлении только три раза в сутки. А потом нужно было идти почти пять километров пешком по единственной дороге, ведущей к колонии.

День был воскресный, и Марина не была единственной на этом невеселом пути. И впереди, и позади нее шли люди самых разных возрастов: и молчаливые семейные пары, и одинокие мужчины, и группы каких-то невеселых молодых людей. Несколько легковых машин, окутав это грустное шествие клубами пыли, проскочили, не притормозив, вперед к высокой ограде колонии, которая была уже видна впереди.

Марину догнала усталая пожилая женщина.

— Простите, девушка. Можно я с вами пойду? Тяжело одной-то.

Марина бросила быстрый взгляд на сумку в руках женщины.

— Я не об этой тяжести говорю, — грустно вздохнула она. — Я о другой. Когда остаешься наедине со своими мыслями, жить не хочется. Так бы и бросилась под поезд, как Анна Каренина.

— Что вы! — Марина даже испугалась. — Нам ведь Господь дал зачем-то эту жизнь! Значит, надо нести свой крест и благодарить его за это. У вас близкий человек в колонии?

— Куда уж ближе! Сын. Осужден на восемь лет за покушение на убийство.

— У меня похоже.

— Муж? Друг?

— Брат.

Женщина стала рассказывать о своей беде что-то очень подробное и грустное, но Марина не слушала ее, только кивала из вежливости. Уже видна была проходная и столпившиеся люди перед ней. Марина думала о том, что вот сейчас она увидит Кольку, подыскивала правильные слова, которые должна была сказать ему, предугадывала его реакцию. Удивится он ее приезду? Обрадуется ли?

Дежурный по КПП внимательно рассматривал ее паспорт.

— Найденова? Вы кто будете Николаю Найденову?

— Сестра.

Он долго копался в компьютере.

— Нет у Найденова никакой сестры. — И дежурный подозрительно посмотрел на Марину. — Он — детдомовский.

— Я из того же детского дома.

— Вот оно как...

Дежурный еще раз внимательно взглянул на Марину и больше никаких вопросов не задавал.

— Подождите там.

Ждать пришлось долго. В голове гудело, она не могла сосредоточиться. Как они встретятся? Что ему сказать? Какие найти правильные слова? Рядом с ней в вестибюле томились еще несколько человек, ожидающих свиданий с заключенными. Вдоль стен стояли ряды стульев с откидными сидениями, но сидели на них только две пожилые женщины. Гнетущая атмосфера общего волнения и ожидания не позволяла думать ни о чем постороннем.

— Найденова! — услышала она наконец.

Марина подошла к окошку.

— Так не хочет ваш братец встречаться с вами.

Дежурный с любопытством и сочувствием разглядывал ее. Это был мужчина уже в годах. Марине он вообще показался пожилым.

Она растерялась.

— Как не хочет?

— Да вот так. Еле убедили его с вами по телефону поговорить. Пройдите вон туда.

— Коля! Колька! Ты меня слышишь? — закричала Марина, вцепившись в трубку.

— Слышу. Не ори.

Голос у Николая был приглушенный, сиплый, но до боли знакомый.

— Ну и че ты прикатила? Тебя звали?

— Колька, зачем ты так? Я так долго до тебя добиралась... Я хотела тебя увидеть...

— Увидеть, как ээки живут? Увидела? Ты — в двухкомнатной квартире, а я — на нарах в колонии. У каждого своя судьба. Катись отсюда...

И Марина услышала короткие гудки. Кровь бросилась ей в голову. Лицо запылало.

Дежурный через окошко поманил ее пальцем. Она подошла. Было стыдно смотреть ему в глаза.

— Вы это... Не огорчайтесь шибко. Это у него адаптационный период. Пройдет со временем.

Обратная дорога к автобусной остановке показалась ей совсем короткой.

Они сидели рядом на скамеечке в полутьме храма. Прихожане быстро разошлись по своим делам, только несколько человек стояли у свечной лавки, заказывая требы.

Отец Михаил знал свой грех — гневливость, боролся с ним всю свою сознательную жизнь. Дома справиться с ним — не раздражаться по поводу проделок детей, очередной двойки или замечания в дневнике — помогала Наташа. Достаточно было встретиться с ней взглядом. Но за стенами своей квартиры сдерживаться порой бывало трудно... Он мог разгневаться на недоделки и небрежность своих молодых священников, потом укорял себя, что не сдержался, замечание сделал в недопустимо резкой форме, даже извинялся на следующий день. Но сейчас он дал себе волю.

— Я ведь тебе говорил, чтобы ты не спешила, предупреждал... Ты, моя дорогая, не умеешь ни слушать, ни слушаться. Видишь, что получилось...

В первый раз Марина видела своего духовника таким рассерженным. Он даже покраснел от гнева. И смотрел на нее негодующим взглядом. Она откровенно струсил.

— Простите, отец Михаил, я — дура. Самая настоящая дура. Но ведь вы сами в каждой проповеди говорите: «Друг друга тяготы несите».

Отец Михаил смягчился.

— Это не я говорю, это апостол Павел говорил почти две тысячи лет назад.

— Я больше без вашего благословления шага не сделаю!

— Так уж и не шагу! — усмехнулся священник. — И своей головой всегда надо думать и к советам духовника прислушиваться необходимо. — Он помолчал немного и добавил уже почти спокойно: — А Николаю все равно пиши. Пиши так, словно ничего не произошло, о своем приезде в колонию — ни слова. О своих делах

пиши. О книгах, которые читаешь. О погоде, наконец. Пиши обо всем подряд. Я тебя уверяю, что письма твои он читать будет, а там, глядишь, и ответит когда-нибудь.

Вечером Марине позвонила директор детского дома Ольга Сергеевна.

— Ты завтра дежуришь?

— Нет.

— Ты мне очень нужна. Сможешь завтра зайти? Часиков в шесть вечера.

— Конечно, смогу, Ольга Сергеевна. Приду обязательно.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Подойдя к дверям ее кабинета, она услышала какие-то незнакомые мужские голоса и осторожно постучалась. Кроме Ольги Сергеевны здесь были двое мужчин, один из которых — ее новый знакомый, тот самый рыжеволосый юрист Константин Игоревич. Он тоже узнал Марину и улыбнулся ей, приветливо тряхнув рыжей гривой. Другого посетителя она не знала, но, видимо, он был основным собеседником директора детдома. На столе перед Ольгой Сергеевной лежали какие-то бумаги. Она держала наготове простую шариковую ручку, готовясь их подписать.

— Пришла? — Она была явно в приподнятом настроении. — Очень хорошо. — Ольга Сергеевна повернулась к своим гостям, представляя воспитанницу: — Знакомьтесь. Это наша выпускница Марина Найденова. Она — медсестра, работает в реанимационном отделении больницы. А это, Мариша, — она улыбнулась, кивнув на своего серьезного гостя, — наш спонсор. Руководитель самой большой строительной компании в области (Ольга Сергеевна назвала его фамилию и имя-отчество, которые Марина тут же забыла) и юрист компании...

— Константин Игоревич.

— Вы знакомы? — удивилась Ольга Сергеевна.

— Да. Константин Игоревич мне помогал в моих запутанных делах. Я очень ему обязана.

— Бог с вами, Марина, — отмахнулся тот. — Я выполнял свою работу.

Ольга Сергеевна продолжила:

— Ты, наверно, знаешь, что наш спонсор строит в городе сразу два больших объекта — Дворец культуры и Дворец спорта. Знаешь ведь?

Марина усмехнулась.

— Знаю, конечно. Мечтаю в вашем бассейне научиться плавать.

— Ты, Марина, посиди пока, у меня к тебе серьезный разговор есть.

Марина присела на старенький диванчик у окна.

Гости директора скоро распрощались и ушли. Ольга Сергеевна была чем-то очень обрадована, лицо ее так и светилось. Она пересела на диван к Марине. Обняла ее за плечи.

— Я хочу кое-что тебе предложить. Ты можешь освободиться от работы на неделю?

— Освободиться? — Марина задумалась. — Без содержания мне, конечно, не дадут: у нас работать некому. Если только взять неделю в счет отпуска?

— Возьми.

— А что случилось?

— Видишь ли... Этот бизнесмен-строитель решил премировать десять наших лучших воспитанников поездкой в Петербург. В сопровождении двух взрослых. Но поставили обязательное условие, чтобы с детьми ехал кто-то из воспитателей и медицинская сестра. Вот я тебе и предлагаю это место. Как?

Марина потеряла дар речи, потом бросилась целовать Ольгу Сергеевну.

— Оставь, оставь, — отмахивалась та, пытаюсь освободиться от ее цепких объятий. — Ну, согласна?

— Конечно! Вы даже представить не можете, как мне нужно в Петербург! Мне так нужно! Я просто боялась одна туда ехать, прошлой осенью первый раз из нашего города выехала... Ну, вы знаете. Я рассказывала. К Кольке Найденову в колонию. А он, паразит, даже разговаривать со мной не захотел.

— Я тоже ему писала, он и мне не ответил. Значит, решено. Едешь?

— А Лариса Федоровна не обидится?

— У Ларисы Федоровны по плану вакцинация детей от энцефалита. Да и вообще... Разве можно детский дом без медсестры оставить? Теперь давай все спокойно обсудим. С детьми поедет Валентина Георгиевна. Не забыла своего старшего воспитателя?

— Ну, прямо — забыла! Я Валентине Георгиевне по гроб жизни обязана!

— Это точно. Ох, и шkodливая ты была в детстве! И сколько раз она тебя покрывала!

Марина засмеялась

— А голос у нее такой же громогласный?

— А куда он денется? Этим голосом она свою доброту прикрывает. Ну а в качестве тяжелой артиллерии сопровождать вас будет этот юрист, которого ты знаешь. Как его зовут, забыла...

— Константин Игоревич...

— Вот, вот. Оказывается, он Петербургский университет заканчивал, в Питере — как рыба в воде. У него на руках будут все договора: на размещение, на питание, на экскурсии, он будет заниматься всем на месте, чтобы нигде никакого прокола не было. Дети-то наши никогда и никуда не выезжали, за ними глаз да глаз нужен, вам с Валентиной Георгиевной и без организационных проблем хлопот хватит. — И тут Ольга Сергеевна лукаво посмотрела на Марину. — А парень-то симпатичный. Как ты считаешь? Или тебе рыжие не нравятся?

— От меня любого цвета мужики шарахаются, — засмеялась Марина. — Мне мой заведующий отделением нравится, хотя он скоро совсем лысым будет. Но то, что Константин Игоревич хороший специалист — это точно. На своем опыте проверила.

— Буду иметь в виду. У меня тут все время проблемы с договорами возникают. Не знаю, с кем и посоветоваться. Ты только не вздумай с ним поссориться — запрещаю!

Ольга Сергеевна шутливо погрозила пальцем.

Они еще долго обсуждали предстоящую поездку. У Марины даже голос срывался от возбуждения — она была просто счастлива.

— Я завтра же подам заявление. Только... — она вдруг остановилась на полуслове. — У меня будет возможность?... Мне очень нужно полдня. Несколько часов. Я должна передать в Театральный музей архив Елены Ивановны, о которой я вам так много рассказывала. Она завещала.

Ольга Сергеевна посмотрела в план поездки, который лежал перед ней.

— Будет у тебя полдня. Смотри: двенадцатого дети приглашены в Кронштадт в местный детский дом. Ты там будешь не нужна.

Марина поднялась, прощаясь.

— Я еще к Галке загляну. Давно не видела, соскучилась.

— Так она в изоляторе.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Сопли до колен, покашливать начала. Поскольку она у нас кандидат на поездку, то Лариса Федоровна ее в изолятор забрала, чтобы в норму привести. Узнает, что ты с ними едешь, сразу выздоровеет.

Время было уже позднее, детский дом постепенно затихал. Гасился свет в игровых комнатах и зажигался в спальнях.

Марина поздоровалась с дежурной няней изолятора и едва появилась на пороге спальни, как Галка выскочила из постели и повисла у нее на шее.

— Ложись, не бегай босиком. Лариса Федоровна говорит, что у тебя сопли.

— Ага, блин. Но уже лучше. У меня нос уже от платка красный, видишь?

— Не вижу. Здесь темно.

Галка забралась под одеяло и хлопнула по нему ладошкой.

— Посиди со мной.

Марина присела на краешек ее постели.

Девочка притихла ненадолго, потом вздохнула.

— Я все думаю, Марина...

— О чем?

— А ты могла бы быть моей сестрой?

У Марины что-то защекотало в носу, голос дрогнул.

— Наверно...

— Ведь у нас с тобой даже фамилии одинаковые. Мы обе — Найденовы. Давай придумаем, что ты моя сестра.

— Давай.

— И ты будешь забирать меня к себе по выходным?

— Буду. Если дежурить не поставят. Но при одном условии.

— Каком?

— Если ты не будешь говорить «че» и «блин».

— Я постараюсь. У нас все так говорят.

— А ты не говори.

— Больше не буду.

Марина долго не могла заснуть. Мысли вертелись в голове, сменяя одна другую. Она то и дело включала и выключала свет. И то ли вслух, то ли про себя разговаривала с Еленой Ивановной, всегда незримо присутствующей в этой квартире.

— Вот, Елена Ивановна... Я наконец сделаю все, что обещала. Я поеду в ваш город Ленинград, я разыщу этот Театральный музей, и помнить вас будут не только в этом доме.

Она задремала только под утро и едва не опоздала на работу.

Только в середине дня у нее появилось время поговорить со своим начальником. Дверь в его кабинет, как всегда, была открыта, и Марина вошла с заявлением в руке.

Петр Васильевич сидел на диване, вытянув вперед усталые ноги в пляжных шлепанцах. Он отдежурил сутки, и следующий рабочий день подходил к концу. Дежурство было напряженным. Он почти не покидал операционную.

Ночью пришлось трижды давать наркоз на неотложных операциях, рано утром скорая доставила больного прямо на операционный стол с ножом, торчащим в сердце. Операция закончилась, когда в больнице уже был в разгаре новый рабочий день.

В самом отделении реанимации были заполнены все койки: четверо больных, прооперированных сегодня ночью, и двое гастарбайтеров, поступивших двумя днями раньше. Все они требовали внимания не только дежурной службы, но и заведующего отделением. Ноги гудели от долгого стояния возле операционного стола, и, вытянув их, Петр Васильевич вертел стопами, чтобы снять напряжение.

— Ты чего хочешь?

— В отпуск хочу.

— А кто работать будет? Без содержания не отпущу.

— А в счет очередного? Мне всего неделю надо.

Петр Васильевич не сразу поднялся с дивана, прошел, прихрамывая, к своему столу.

— Давай твою бумажку. — Бегло прочитал написанное. — Хитрая ты, Маринка. На майские праздники с выходными все десять дней набегает. Много.

— Зато я летом буду работать.

— Ладно. Бери свой отпуск. — Петр Васильевич расписался в ее заявлении и вернул ей листок. — Чего так вдруг? Замуж собралась, что ли?

Марина засмеялась.

— Меня никто не берет, я — детдомовская. Мы у мужчин не котируемся.

— Ну и зря. Я тебя когда-то санитаркой в отделение взял, ни разу не пожалел. Теперь вот медсестрой работаешь — никаких претензий. И вообще я тебе хочу предложение сделать... Не замуж. У меня жена хорошая, а другое. Ты ведь знаешь, что Людмила Владимировна категорически решила на пенсию уходить. Вот мы твою кандидатуру на ее должность старшей медсестры обсуждаем очень серьезно. Ты что про это думаешь?

— Ой, не знаю, Петр Васильевич... Это так сложно.

— Не кокетничай. Ты ее уже сколько раз заменяла? — Марина не ответила, только отвела глаза. — Вот именно. Для тебя сложность только одна: ты у нас правдолюб детдомовский. Чуть что — сразу на абордаж бросаешься. Чего опять с сестрой-хозяйкой поругалась? Жаловалась на тебя нынче.

— Так у нее льда зимой не выпросишь. Говорю днем: «Смирнову надо постель поменять». А она в ответ: «Положено вечером перестилать. Вечером постель и выдам». А что больной до вечера будет мокрым лежать, ей дела нет.

— Ладно. Тут ты права. Я скажу ей, чтобы тебя слушалась.

— Не надо. Сама разберусь.

— А чего с экономисткой повздорила?

— Так она собирается у нас полставки санитарки в приемное отделение забрать.

— Первый раз слышу.

— Видите — опять за вашей спиной. Летом, когда вы были в отпуске, а я Людмилу Владимировну замещала, отдала полставки медсестры в нейрохирургию. Сделает сначала, а потом вам ничего не остается, как приказ подписывать... Ненавижу это ее любимое: «Я вам плачу, я вам плачу». Как будто она нам зарплату из своего кармана платит.

— Ладно. Завтра пойду с главным разбираться. Но ты все-таки води себя потише на хоздворе. Спокойнее надо, так быстрее результата добьешься. Станешь старшей — надо будет не только в своем отделении заниматься разборками, но и с администрацией больницы ладить. А там надо всегда между Сциллой и Харибдой проскакивать.

— Между кем и кем? — не поняла Марина.

Петр Васильевич с сожалением посмотрел на нее.

— Хорошая ты девка, Маринка, ловкая, работающая и очень даже неглупая. Но дремучая, как Маугли.

Марина покраснела. Даже уши запылали.

— Ты про Одиссея что-нибудь слышала? Мифы Древней Греции в начальной школе проходят. Неужто забыла? Перечитай. Очень интересно.

Петр Васильевич встал из-за стола, обнял Марину за плечи.

— Ладно, не обижайся. Обиделась? — И констатировал: — Обиделась. Ну, будет. Я сегодня устал, прости. Тоже заносит иногда. Про новую должность подумай. А все-таки чего с отпуском-то заспешила?

— Меня попросили детдомовских детей сопровождать в Петербург.

Обижаться долго на своего заведующего Марина не могла. Она вообще не умела обижаться надолго.

— Ну, повезло тебе. Можно я тебе, как дочери, совет дам? В Петербург надо ехать не стерильной. Подготовиться надо. Покопайся в Интернете, почитай о самом городе, о Павловске, о Петергофе, куда там вас еще повезут... Я несколько раз в этом потрясающем городе был и еще собираюсь туда поехать. А когда вернешься, до работы не допущу, пока не отчитаешься, что нового узнала, что увидела. Поняла?

Марина усмехнулась.

— Поняла.

— То-то...

Но к совету Петра Васильевича Марина отнеслась серьезно: не один час просидела за компьютером, читая о городе, в который так давно мечтала попасть. Теперь она знала, чем отличается Петергоф от Царского Села, и уверенно отличала Исаакиевский собор от Казанского.

Но этот город был тесно связан с императорским домом, и в этом была самая большая загвоздка. Историю Марина знала в пределах школьной программы: весьма приблизительно. В императорах всегда путалась. С царями Александрами в конце концов получилась схема довольно примитивная: Александр I воевал с Наполеоном, Александр II отменил крепостное право и был убит, а Александр III был отцом последнего императора Николая II. Ну, а с императрицами вообще была проблема. И Александр Федоровных и Марий Федоровных было по две, с разбегу запомнить, которая из них была женой того или другого императора, было непросто. Великих князей вообще пришлось отложить на потом. Но в результате этого довольно беглого изучения Петербурга Марина почувствовала, что в ней вяло зашевелилось любопытство к истории. Она очень удивилась своему открытию: оказывается, история может быть интересной. Во всяком случае, в дальнюю дорогу Марина отправилась достаточно подготовленной.

Поездка в Петербург получилась потрясающей. Дети, которые никогда не покидали родного города, вдруг отправились в такое далекое фантастическое путешествие! В купейном вагоне! Опытная Валентина Георгиевна предусмотрела все дорожные нюансы: места в трех купе, отведенных для детдомовцев, были еще дома распределены по возрастам и половому признаку. Старшие мальчики и девочки — на верхних полках, Марина, младшие девчонки и она сама — внизу. Константин Игоревич, с которым Марина едва успела поздороваться, ехал по собственному билету и занимал место в каком-то дальнем купе. Он вежливо, но настойчиво попросил Валентину Георгиевну и Марину называть себя только по имени, без отчества, но для детей остался официальным лицом, хотя веселым и компанейским.

Ехали весело и так шумно, что у Валентины Георгиевны терпение наконец лопнуло. Это была женщина средних лет, имеющая довольно пышные формы, милостивую внешность и зычный голос, который профессионально использовала по назначению. Хорошо понимая своих воспитанников, старший воспитатель детского дома довольно долго терпела, но, когда возбужденные вопли и ликующий визг достигли своего апогея, а недовольные пассажиры стали делать детям замечания, прозвучал ее неподражаемый голос.

— Успокойтесь все немедленно! Разойдитесь по своим купе, сядьте и выключите звук!

В этот момент, весьма кстати, в дальнем конце вагона замаячили рыжие кудри Константина Игоревича.

— Нас ждут обедать, — весело сказал он. — В ресторане все готово.

Только с наступлением сумерек дети наконец уgomонились. Расползлись по купе и по своим полкам, и в вагоне наступила тишина.

Марине спать не хотелось — мысли сменяли одна другую. Поездка была очень ответственной. Во-первых, она отвечала за здоровье детей. А во-вторых... В ее дорожной сумке лежала папка с фотографиями Елены Ивановны Бахтиной. И ее большой портрет, снятый дома со стены. Как успеть передать эти снимки в музей? Кому? Где она будет искать его в огромном незнакомом городе, этот Театральный музей?

В купе было душно и тихо. Рядом сонно посапывала Валентина Георгиевна. Мальчишек на верхних полках не было слышно. Марина надела шлепанцы и вышла в коридор, в котором горел только дежурный свет. Возле темного окна, в котором изредка вспыхивали, пролетая мимо, станционные фонари, сидя на узком откидном стуле, читал какую-то книгу Федор.

— Глаза испортишь, — села напротив него Марина. — Что ты так увлеченно читаешь?

— У меня ЕГЭ по литературе через две недели. Ничего не успеваю.

— Зачем тебе литература? — удивилась Марина. — Ты в какой институт собираешься поступать?

— В театральный.

— В театральный? Ну, ты даешь!

— Наталья Владимировна сказала, что у меня есть шансы поступить. Обещала меня подготовить и по актерскому мастерству, и вообще... Я ведь очень мало знаю. Толком ни одного театрального спектакля не видел, только по телевизору. Наталья Владимировна мне целый список специальной литературы дала. Я всю зиму книги по искусству читал. Спектакли по Интернету смотрел, и классические, и современные. Целину поднимал. — И он постучал себя по лбу.

— А в каком городе ты хочешь учиться?

— Собирался в Екатеринбурге поступать. А вот теперь думаю, может быть, в Петербурге рискнуть?

Они поговорили еще немного и разошлись по своим купе.

«Вот, — подумала Марина, засыпая, — Федор «целину поднимал» целый год. А я? Когда я-то начну свою «целину» поднимать? Как жаль, что нет больше Елены Ивановны, как бы я теперь ее слушала... Самой-то мне не справиться. Так, наверно, Маугли и останусь».

Тяжело вздохнув, она, уже засыпая, вдруг вспомнила: «А про Сциллу и Харибду так и не прочитала. Надо будет у Галки спросить».

Благодаря Константину никаких организационных проблем не возникало. Спонсор арендовал для детдомовцев небольшой хостел в самом центре города. В комнатах было чисто, уютно, двухэтажные кровати были застланы новым бельем. На небольшом кухонном столе стоял электрический чайник с чашками для всей компании, а на стене висел плоский телевизор. Марине здесь очень понравилось.

В чистые большие окна можно было смотреть на Невский проспект, по которому гуляли толпы людей. Город готовился к празднику Победы, украшался флагами. Стояла хорошая ясная погода, на улице допоздна было светло. Марина, несмотря на усталость, не отходила от окна до тех пор, пока на Невском проспекте не зажигались фонари.

Спонсоры придумали и продумали прекрасную программу экскурсий, интересных детям разного возраста. Детский дом премировал поездкой отличников разных классов, и, хотя ребят было всего десять, хлопот с ними хватало. Марина с самого утра не выпускала руки Галины, которая требовала постоянного внимания. Рот у нее не закрывался ни на минуту, восторженные вопли от увиденного сменялись пространными рассказами о недавних событиях в классе. Она задавала Марине какой-нибудь вопрос, тут же сама на него отвечала и без паузы переключалась на совершенно другую тему. К тому же Галка обладала феноменально зорким зрением и постоянно находила что-то у себя под ногами.

— Ну, блин! — радостно кричала она, поднимая с земли пятидесятикопеечную монетку, и прятала ее в глубокий карман брючек. В тот самый карман, в котором Марина утром обнаружила большую дырку.

Через несколько минут она находила потерянную кем-то дешевую шариковую ручку, измятый девчоночий бантик, а в Петергофе извлекла из-под садовой скамейки выброшенный кем-то сачок для бабочек. Колпак сачка был разорван в клочья, проволоочное кольцо, на которое он был натянут, деформировано, но остатки марли на нем были ярко-розового цвета, который, видимо, и пленил Галку. Она вцепилась в него мертвой хваткой и все три часа прогулки по парку так и не выпустила его из рук.

— Пожалуйста, Галчонок, брось его! — взмолилась Марина. — Ну, что ты нас позоришь! Домой приедем, я тебе два таких сачка куплю, если в детдоме нет.

— В детдоме есть! — парировала девочка. — Только там все сачки желтые и зеленые, а этот — красный!

Марина поначалу смеялась, потом злилась, а потом просто перестала обращать внимание на этот дурацкий сачок.

Дети постарше вели себя более спокойно, хотя вечером долго не расходились по комнатам, шумно обсуждая увиденное. Если кто-то из них начинал слишком громко вопить от восторга или хохотать на грани истерики, тут же раздавался окрик Валентины Георгиевны.

— Олег! Выключи звук! Я кому сказала, Света, сделай звук потише!

Только поздним светлым вечером, когда дети утомнились, Валентина Георгиевна и Марина наконец смогли заняться поисками Театрального музея на карте Петербурга. Но города они совсем не знали. Плохо понимали, где находится их hostel, и потому эти поиски забуксовали.

— И чего ищем?

Над склоненными над картой женскими головами зависла долговязая тень Константина.

— Театральный музей... — пояснила Валентина Георгиевна.

Он удивился.

— Театральный музей?

— Да. Мне туда нужно, — кивнула Марина. — Очень, — добавила, почти извиняясь. — По делу.

— Его искать нечего. Вот здесь — мы. А вот здесь — музей. Это в пятнадцати минутах ходу. Когда ты хочешь туда пойти? Я могу проводить.

— Завтра. Вы поедете с детьми в Кронштадт, а меня Валентина Георгиевна отпускает... По личным делам.

— Вот как... — Константин на минуту задумался. — Тогда у меня есть предложение. В городе светло, «белые» ночи на подходе. Если вы не очень устали, то мы можем прогуляться до самого Театрального музея. Я дорогу покажу, чтобы вы завтра не блуждали. Заодно и ночной Петербург увидите, очень красивый город в это время.

— Ой, нет... — замахала руками Валентина Георгиевна. — Я — пас. Ноги отваливаются. Срочно ложусь спать.

— А я с удовольствием. Я ведь привыкла работать по ночам. Ноги тренированные. Я буду готова через три минуты.

— Я тоже, — засмеялся Константин.

Они, не торопясь, шагали по Невскому проспекту. Еще не зажглись фонари, светлый сумрак сгушался над городом. Царила несвойственная Петербургу весенняя благодать, и, пользуясь этим, народ высыпал на улицу. Навстречу шли веселые компании молодежи, степенно прогуливались пенсионеры, галдели на разных языках группы иностранцев.

— Может быть, расскажешь, зачем тебе нужно в Театральный музей? Ты так интересуешься театром?

Марина отмахнулась.

— Ну что ты! Откуда я могу что-то знать о театре? Ты помнишь фамилию старушки, которая мне дарственную на квартиру оформила? Ее звали Елена Ивановна Бахтина...

— Да, вспоминаю — Бахтина...

— Она была балериной Кировского театра. Перед самой войной солисткой стала. Только одну премьеру и станцевала. Театр эвакуировали в Молотов. Она во фронтовой бригаде участвовала. Во время одного выступления бомбежка началась, Елена Ивановна была тяжело ранена. Чуть ноги не лишилась. Вся жизнь полетела в тартарары...

— Я понимаю.

— Ну вот. У нее много осталось всяких фотографий, и театральных и фронтовых. Она завещала мне, она очень просила меня передать их в этот музей. Я просто счастлива, что теперь могу это сделать для нее.

Миновав сквер с памятником Екатерине Великой, обогнув Александринский театр, они остановились перед тяжелой дверью Театрального музея.

— Ну что — запомнила дорогу?

— Издеваешься? Что тут запоминать? Совсем близко. Хотя мы с Валентиной Георгиевной искали бы его по карте до утра.

— Иди сюда.

Константин сжал ее слегка озябшие пальцы и повлек за собой за угол дома.

— Смотри! Нравится улица?

— Очень красивая. Я даже не представляла, что бывают такие улицы.

— В Петербурге все бывает. Это улица Зодчего Росси. Был такой итальянский архитектор в девятнадцатом веке. Много строил в Петербурге. По его проекту и эта удивительная улица создавалась. Прямо за Театральным музеем, в этом длинном здании с колоннами, находится знаменитое хореографическое училище, в котором одиннадцать лет занималась будущая солистка Кировского театра Елена Бахтина.

Сумерки опустились на Петербург, и сразу похолодало. На Невском проспекте зажглись фонари. Марина и Константин заметно ускорили шаг. Неожиданно он развернул ее к себе и затянул повыше молнию на ее куртке.

— Зачем нам здесь больная медсестра?

Марина смутилась и покраснела.

— Скажи, Костя, — попыталась она скрыть свое смущение. — А как ты в храм попал? Прихожан бесплатно консультируешь. Ты что — такой бескорыстный?

Он засмеялся.

— У меня очень приличная ставка в юридической консультации. Если участвую в судебном процессе, получаю гонорар. Так что не бедствую. Ну а в храме... Кон-

сультую я раз в неделю, и не всех желающих подряд, а только тех, кто на это получил благословение отца Михаила. Это обычно люди малоимущие, которые не могут оплачивать дорогие юридические консультации. Таких совсем немного. В храме дело в вере, а не в бескорыстии.

Марина даже развернулась к нему.

— Ты веришь в Бога?

Он засмеялся.

— У меня не было выбора, я вырос в православной семье. В раннем детстве жил в одной комнате с бабушкой и просыпался под ее утренние молитвы. Мой прадед звонарем в нашем храме служил, дед был дьяконом, на фронте погиб. Мама с детства в церковном хоре пела, сейчас регент у отца Михаила, а отец — директор православной гимназии в нашем городе...

— А я в храм прихожу, только если с отцом Михаилом надо посоветоваться. У меня, кроме него и матушки Натальи, советчиков нет.

— А ты подумай, кто тебе этих советчиков послал? И когда? Отец Михаил в твоей жизни появился, когда ты была в полном отчаянии. Сама нам с Валентиной Георгиевной вчера рассказывала. Вот и подумай, к кому ты в храм за советом приходишь — к священнику или тому, кто через него тебе помогает...

В хостеле горел только дежурный свет в прихожей. Спать не хотелось. Они прикрыли двери в комнаты и уселись на кухне пить чай.

— Костя, — задумчиво произнесла Марина, — ты поможешь мне оформить опеку на Галку?

Он не удивился, только спросил:

— Ты хорошо подумала?

Марина засмеялась.

— Вы что — сговорились? Сказала директору детдома — в ответ: «Ты хорошо подумала?», матушке Наталье — опять: «Ты хорошо подумала?», пришла за благословением к отцу Михаилу — тот же вопрос. И ты туда же. Я похожа на ненормальную?

Константин засмеялся.

— Нет, конечно. Просто все вас с Галкой любят и боятся за вас обоих.

— Не надо ничего бояться. Я приняла решение, оно, может быть, самое обдуманное в моей жизни. Пока я не попала к Елене Ивановне, я не знала, что такое близкий человек, что такое своя крыша над головой. Я хочу, чтобы у Галки был свой дом и родной человек рядом. Я теперь старшей медсестрой буду работать, это дневная работа, по вечерам и выходным всегда дома. Я все для нее сделаю. Она умная девочка, умнее меня. И знает уже сейчас намного больше меня. Недавно про Сциллу и Харибду так интересно рассказывала, я заслушалась. Я переведу ее учиться в православную гимназию, а летом в православный лагерь будет ездить. Понимаешь, когда я пришла к Елене Ивановне, я говорила «че» и свистела при каждом удобном случае...

— Свистела?

— Ну, да. Вот так, — и она тихонько присвистнула. — Любая моя эмоция сопровождалась свистом. Теперь я понимаю, в какой ужас приходила моя старушка. Вот. И я не хочу, чтобы Галка говорила это «че» и «блин». Я не о словах говорю. Понимаешь?

— Понимаю.

— Я, конечно, кроме этого, мало что могу ей дать, я так мало знаю...

Марина вздохнула и, не улыбаясь, добавила:

— Наталья Владимировна сказала, что так какой-то древний философ сказал: «Я знаю, что я ничего не знаю...»

— Это Сократ сказал. Но его фраза имеет продолжение: «Я знаю, что я ничего не знаю, но некоторые не знают даже этого». Может быть, это тебя утешит?

— Ты смеешься, а я серьезно. — Марина помолчала. — Ты мне поможешь? Я узнавала — мне будет очень трудно оформить опекунство: я Галке не родственница и у меня нет мужа. Но ты — единственный человек, который может мне помочь.

— Конечно, я вам помогу. Обязательно.

Костя подчеркнул это «вам».

Посещение Театрального музея, которого Марина так боялась и к которому так готовилась, прошло довольно буднично. От него осталось только чувство глубокой грусти и разочарования. Ни выдающихся русских актеров и режиссеров, ни истории театра, а тем более балета Марина не знала. Портреты знаменитостей на нее не произвели никакого впечатления. Она терпеливо прождала не менее получаса, когда к ней выйдет кто-нибудь из сотрудников отдела рукописей, куда ее направили из администрации. К ней подошла пожилая озабоченная особа и представилась Ларисой Олеговной. Разговаривая с Мариной, она смотрела поверх ее головы.

— Бахтина? — переспросила сотрудница музея удивленно. — Елена Бахтина, солистка? Что-то мне такая фамилия не встречалась. Сейчас посмотрим.

Она подошла к компьютеру, стоявшему на маленьком столике в глубине зала. Марина как тень последовала за ней.

Лариса Олеговна нашла какой-то сайт, полистала его страницы.

— Надо же, нашла. Есть. Елена Бахтина. Она дебютировала перед самой войной в «Спящей красавице». Смотрите.

— Я знаю эти снимки.

— Вы именно такие хотели отдать? Но у нас много фотографий с этого спектакля.

— Нет. У меня — военные фотографии. С концертов фронтовой бригады.

Лариса Олеговна впервые с интересом посмотрела на Марину.

— Вот как? Здесь написано, что она погибла во время концерта на Ленинградском фронте.

— Это неправда. Елена Ивановна была только тяжело ранена. Она умерла три года назад.

— Это мы, конечно, исправим. Вы ее родственница?

— Нет. Я была ее сиделкой. У Елены Ивановны не было родственников.

Папку с фронтовыми снимками Лариса Олеговна рассматривала уже в своем отделе. Она отобрала несколько особенно выразительных фотографий. Портрет Елены Ивановны вернула.

— Оставьте его себе на память. Я сегодня все исправлю на сайте и помешу туда с ваших слов всю новую информацию о Бахтиной.

И, почти извиняясь, сказала Марине:

— Вы не обижайтесь, что я вас так встретила. Понимаете, к нам приходит много родственников балетных людей, и живых, и давно почивших. Приносят всякую домашнюю чепуху: дачные снимки, фотографии внуков, а то портреты любимых кошек и собак. Отнимают уйму времени. А Елена Бахтина... Она ведь только одна из тех многих молодых талантливых артистов, и балетных, и оперных, и музыкантов, которые потеряли профессию из-за войны. А после победы на сцену Кировского театра вернулось столько великолепных балерин! Какие это были имена! Кто-то из них приехал из эвакуации. А кто-то пережил блокаду в Ленинграде. Каждой из них можно поклониться в пояс. И, конечно, такие начинающие артистки, пусть даже очень талантливые, как Бахтина, забылись — они уже только история, история театра.

— Ну, и чего ты скисла? — Валентина Георгиевна обняла Марину за плечи. — Ты ждала чего-то особенного?

Они сидели втроем на кухне — две женщины и Константин. Разговаривали вполголоса — дети спали, утомленные дневной экскурсией в Кронштадт.

— Столько лет прошло, Марина... — Константин смотрел сочувственно и понимающе. — Она ведь так мало успела сделать на сцене.

Очень горько было Марине слушать эти слова.

— Она многое успела сделать для меня.

— Кто знает — может быть, это и была ее главная роль.

В праздник Девятого мая дети рвались на улицу. Но их решено было не выпускать, пока не пройдет военный парад, потом демонстрация и шествие Бессмертного полка — слишком велик был риск потеряться в незнакомом городе. С детьми решено было пойти гулять во второй половине дня и, если удастся, посмотреть фейерверк где-нибудь в центре. Чтобы снять эмоциональное напряжение, Константин отправился на улицу за мороженым и пепси-колой для всей делегации.

С самого утра ребята не отходили от телевизора, а потом облепили окна хостела. Толпы людей заполонили празднично украшенный Невский проспект. Но просто гуляющих и бесцельно фланирующих постепенно стали сменять пешеходы с большими фотографиями в руках — это стекался к центру города Бессмертный полк.

Валентина Георгиевна долго объясняла детдомовским детям, не знающим своих родителей и самых близких родственников, чьи фотографии несут взволнованные люди по центральному проспекту бывшего Ленинграда. Даже Марине трудно было понять, что же такое это чувство гордости за родного по крови человека. Ведь наверняка и в ее роду был кто-то, кто воевал с фашистами, может быть, был ранен или даже убит. А может быть, вернулся с войны живой и здоровый, увешанный медалями за отвагу... Как жаль, что никто и никогда не расскажет ей об этих далеких и родных людях, ее предках! И никогда она не сможет пронести фотографию кого-нибудь из них в рядах Бессмертного полка.

И вдруг ее сердце замерло. Есть, есть такой человек в ее жизни! И фотография тоже есть! Да еще какая замечательная фотография!

Марина рванулась к своей дорожной сумке. Вот, вот он, этот портрет — балерина в пачке с наброшенным на плечи замасленным ватником, стоящая в пуантах на ящике из-под снарядов среди покалеченного бомбардировкой зимнего леса.

Портрет был довольно большой, нести его в руках было бы неудобно, неловко. Марина заметалась по комнатам в поисках какого-то приспособления. И тут вспомнила про Галкин сачок.

— Галина!

— Че? — отозвалась девочка, не отрываясь от окна.

— Не «че», а «что»... Сколько можно говорить! Где твой сачок?

— Под кроватью... — Галка не слишком охотно подошла к ней.

— Тащи его сюда.

— Ну, блин! Зачем?

— Галка! Опять «блин»!

— Тебе сказали — «тащи», значит, тащи!

Это вмешался Федор. Он уже несколько минут наблюдал за Мариной, сначала с любопытством, а потом и с пониманием.

Галка, вздохнув, принесла свою драгоценность. Марина повертела сачок в руках, соображая, как прикрепить к нему фотографию.

— Я помогу.

Федор взял из ее рук древко. Без малейшего сожаления оборвал остатки красной магли, болтавшейся на проволочном кольце. Галка было заголосила, но мальчик пренебрежно щелкнул ее по лбу.

— Заткнись!

Она мгновенно примолкла и только с любопытством следила за его дальнейшими действиями.

— Дайте пластырь! — велел Федор Марине.

Марина рванулась к своей аптечке. Нашла ленточный пластырь и протянула ему. Теперь за их действиями, отлепившись от окна, следили все дети. Через несколько минут портрет был накрепко прикреплен пластырем к проволочному кольцу бесславно почившего сачка. Выглядело это вполне пристойно.

В это время вернулся Константин с двумя большими пакетами, наполненными мороженым и бутылками с водой. Он выложил все сокровища на кухонный стол.

— Налетай!

— Валентина Георгиевна, можно? — взмолилась Галка.

— Конечно, можно.

Константин, увидев большой портрет на древке, подошел к Марине.

— Ты хочешь пойти туда? — показал он на окно, за которым гудел Невский. — Это Елена Ивановна?

Марина кивнула.

— Валентина Георгиевна, я уйду на два-три часа. С этим портретом. Я пойду туда, ко всем... Потом расскажу детям об этой женщине.

— Я пойду с тобой, — засобирился Константин. — В такой толпе немудрено и потеряться.

Марина немного смутилась.

— Если хочешь...

Валентина Георгиевна обрадовалась.

— Конечно, идите вдвоем. Мне спокойнее будет.

Едва они вышли на улицу, как были оглушены звуками духового оркестра, мелодиями песен военных лет, несущимися из динамиков со всех сторон. «Прощание славянки», «Катюша», «Землянка», «Синий платочек» чередовались, заглушали и сливались одна с другой, составляя какое-то фантастическое попури. И люди, путаясь в словах, со смехом поправляя друг друга, подхватывали знакомые мелодии. Подпевали то Утесову, то Руслановой, то Шульженко...

Плотная многоголосая толпа заполнила проезжую часть Невского проспекта. Кого только не было тут! Люди разных поколений объединились в этом праздничном шествии. Несколькими рядами шли парни и девушки в гимнастерках военных лет, и там и тут мелькали яркие национальные костюмы.

Родители везли в колясках малышей, ветераны, даже опираясь на трости, старались пройти хотя бы несколько метров в одном ряду с молодыми. Откуда-то сбоку к старикам подбегали дети, иногда совсем маленькие, дарили цветы и убегали назад к своим улыбающимся родителям...

Люди несли знамена, флаги, транспаранты. Но смыслом этого шествия, его сердцем были фотографии. Тысячи фотографий раскачивались над головами людей. На фотографиях были женщины и мужчины, кто-то в военной форме — офицеры и рядовые, с генеральскими погонами или довоенными лычками, а кто-то — в обычной гражданской одежде.

Были здесь и большие портреты героев войны, увешанных орденами и медалями, и любительские снимки, выцветшие и блеклые, очевидно, единственные оставшиеся в семье от погибших родственников. Но даже совсем невыразительные

фотографии были любовно увеличены в фотоателье, и теперь эти простые лица тепло улыбались своим потомкам.

Мальчишка лет семи сидел на плечах отца и крепко держал над головой целых три портрета, расположенных один над другим, а позади Марина заметила мужчину, несущего сразу четыре фотографии, наклеенные на большой лист картона.

Оказавшись внутри этого шествия, она растерялась.

— Нам туда...

Константин крепко сжал ее ладонь и повлек внутрь толпы. И, как-то сразу вписавшись в общее настроение, в общий строй, они слились с ним и пошли по Невскому проспекту бывшего Ленинграда. Рядом с ними веселый дяденька-баянист громко заиграл «Катюшу», и толпа радостно подхватила, запела эту знакомую всем песню.

И Марина тоже запела. Константин взял из ее рук портрет Елены Ивановны, высоко поднял над головой и тоже подхватил:

— «Пусть он землю бережет родную»...

И почему-то им обоим в этот момент было удивительно тепло и радостно находиться в этой толпе. Быть рядом друг с другом.

День выдался жаркий. Душный. Отец Михаил возвращался из православного детского лагеря, куда Наташа, впервые после рождения младшего Петруши, устроилась воспитательницей. Младшие дети находились там вместе с матерью. В городе за хозяйку осталась старшая Ксения, которая готовилась к поступлению в семинарию на регентский факультет.

Отец Михаил провел два прекрасных дня в обществе жены и детей, но рано утром заторопился в город — ждали неотложные дела в храме. Накануне поездки в лагерь отказал двигатель его машины. Пришлось добираться своим ходом: сначала больше трех часов трястись в автобусе, а затем идти пешком по лесу без малого километров пять.

Теперь этот путь надо было преодолеть в обратном направлении. Попутчиков не нашлось. Проселочная дорога была пустыня, только в густых кронах деревьев вожью звенели невидимые птицы. Несмотря на то что дорога петляла в тени густого лиственного леса, отец Михаил изнемогал от жары. Он то и дело поглядывал на часы: рейсовый автобус — не поезд, может проскочить мимо безлюдной остановки и на пятнадцать минут раньше указанного в расписании времени.

Беспокоился он не напрасно: едва он выбрался на шоссе и подошел к полуразвалившемуся павильону остановки, как вдали замаячил автобус. Это был старенький, но вполне резвый «Пазик», каких много колесит по разбитым дорогам провинции. Кроме священника, на остановке никого не было, и пожилой водитель уважительно распахнул дверь прямо перед ним.

Приподняв полы рясы, отец Михаил поднялся на высокие ступеньки автобуса.

Многие пассажиры знали отца Михаила, здоровались. Поздоровался и он сразу со всеми. А с одной женщиной, давней прихожанкой храма, даже раскланялся. Свободным было только единственное место в самом конце салона, рядом с каким-то парнем в низко надвинутой на лоб бейсболке. Он сидел, отвернувшись от всех пассажиров, и пристально смотрел в окно, очевидно, думая о чем-то своем.

Отец Михаил протиснулся по узкому проходу салона, цепляясь рясой за многочисленные коробки, сумки и огромные, набитые чем-то пакеты, не без труда нашел место на багажной полке для своей небольшой дорожной сумки и опустил на свободное сиденье.

Парень не повернулся, не проявив ни малейшего интереса к появлению соседа. Автобус тронулся и резво побежал вперед. Все окна, включая верхние люки, были

распахнуты настежь, неведомо откуда появившиеся тучи закрыли солнце, и в салоне стало вполне комфортно. Потянуло в сон, отец Михаил успел задремать, но вдруг где-то впереди законючил ребенок, требуя немедленного посещения туалета.

Водитель затормозил, автобус торопливо покинула мамаша с ребенком. А за ними выскочили еще несколько пассажиров и разбрелись по кустам. Когда все вернулись на свои места и дверь было захлопнулась, водитель не смог завести мотор. Сделав несколько бесполезных попыток, он повернулся к пассажирам, испуганно ожидавшим приговора.

— Все — приехали! Перегрелся двигатель, — спокойно сказал он, давно привычный к подобным ситуациям. — У нас два выхода: либо мы сидим здесь неопределенное время, пока мотор остынет, либо все вместе толкаем автобус.

Через несколько минут все пассажиры, способные к физической работе, столпились у выхлопной трубы злосчастного автобуса.

Три крепких мужика из местных, парень — сосед отца Михаила — и сам священник представляли основную физическую силу. Рядом с ними толпились говорливые женщины средних лет. Две старушки вышли из автобуса и встали у края дороги, с любопытством наблюдая за происходящим. Отошли в сторону и две молодые женщины с маленькими детьми, и мужчина средних лет на протезе.

Вместе со всеми отец Михаил прижался плечом к горячему боку автобуса, ожидая команды водителя.

— Куда вы, батюшка! — заволновалась одна из женщин, оказавшаяся рядом с отцом Михаилом. Это была та самая прихожанка, с которой он раскланялся при входе в автобус. — Вам после такого ранения нельзя!

— Правда, батюшка... Слыхали мы про ваши беды, — подхватили мужики. — Неужто без вас не обойдемся?

Отец Михаил смутился было, но тут же почувствовал, как кто-то решительно сжал его локоть.

— Отойдите, отец Михаил. Справимся без вас. Я за двоих управлюсь.

Священник оглянулся. Рядом с ним стоял парень в бейсболке и смотрел на него прямо, не опуская острых колючих глаз. Он сразу узнал его — это был Николай.

— Толкаем по моей команде, — строго сказал водитель, высунувшись из кабины. — Аккуратно! Не лезть под колеса!

Николай прижался плечом к автобусу и больше не поворачивал головы в сторону отца Михаила. Священник отошел в сторону и стал про себя молиться, призывая на помощь святителя Николая.

Наверно, святитель услышал его молитву: автобус, общими усилиями сдвинувшийся с места, ожил, двигатель заработал, и пассажиры стали быстро занимать свои места.

Отец Михаил хотел было пропустить Николая на прежнее место к окну, но тот отодвинулся от кресел.

— Садитесь. Я раньше выйду.

Священник возражать не стал, сел у окна.

Некоторое время ехали молча, не глядя друг на друга. Совсем неожиданно отец Михаил услышал:

— Я — не беглый каторжник. Меня освободили по УДО.

Отец Михаил улыбнулся.

— Ну и слава Богу! Теперь домой?

— У меня дома нет, и вы это знаете. Я в Воскресенский монастырь еду.

— В монастырь?

— Да. Хочу замолить свой грех перед вами и перед людьми.

— Перед Богом, Николай.

Он опустил голову и вздохнул.

— Да, перед Богом... Поживу там годик-другой, поработаю трудником.

— Помоги, Господи!

— Наш лагерный батюшка мне благословение дал. В монастыре, говорят, никто ни о чем не спрашивает. В душу не лезет и языком не мелет. Я в лагере неплохим обувщиком числился, без работы, думаю, не останусь. А этот монастырь я с детства знаю, нас в детдоме часто туда возили. Мне там очень нравилось. Потом буду решение принимать: может быть монахом стану.

— Подумать надо. Это решение слишком серьезное.

— Да уж, куда серьезнее. Я в колонии думать научился. А на воле я никому не нужен.

— Это неправда. Марина о тебе очень беспокоится.

Николай довольно долго молчал, потом сказал:

— Маринка — отличный парень. Мы дружили. Только разошлись наши дорожки навсегда: у нее своя жизнь, у меня — своя. Ничего общего. Вы не говорите ей, что меня видели. Пропал без вести — и все. — И еще раз попросил: — Пожалуйста, не говорите.

— Не скажу, раз ты просишь.

Водитель ПАЗика, глядя в зеркало, оглядел салон.

— Где там парень, что про монастырь спрашивал? Давай выходи!

— Спасибо. Я сейчас!

Николай заторопился, снимая рюкзак с багажной полки.

— Сразу за остановкой проселочная дорога в лес уходит, — пояснил отец Михаил. — По ней иди прямо километров шесть. Никуда не сворачивай. До темноты доберешься. С Богом!

И благословил Николая.

Высочив на дорогу, парень оглянулся на окно автобуса. Не улыбнувшись, махнул священнику рукой. Отец Михаил кивнул ему в ответ. Автобус тронулся с места и покатил, набирая скорость, к родному городу. Отец Михаил не стал оглядываться.

Про УДО он знал. Еще несколько месяцев назад по своим каналам он связался по телефону со священником, назначенным в новый храм колонии, человеком опытным, пожилым. Потом периодически переписывался с ним по электронной почте, узнавая новости о Николае. Батюшка писал ему, что заключенный Найденков — человек замкнутый, ни с кем не дружит и общается с окружающими только по необходимости. Работает хорошо. Храм посещает и несколько раз исповедовался. А потом настоятель сообщил об УДО.

Николай был крестником отца Михаила. Священник чувствовал себя ответственным за его будущее и не собирался терять парня из виду. А про себя решил сегодня же вечером позвонить по телефону заместителю настоятеля отцу Никодиму, давнему своему другу.

Марина, сидя на скамейке в парке, сосредоточенно думала о чем-то. День клонился к вечеру. Заканчивался выходной, завтра надо было выходить на работу.

Подняв голову, она увидела подошедшего Костю и рядом с ним подпрыгивающую от восторга Галину.

— Ну и зря ты не пошла с нами, Марина! — звонко завопила Галка. — Ты даже представить себе не можешь, до чего было здорово на этом колесе обозрения!

— Я столько раз тебе говорила, что боюсь высоты. Эти аттракционы не для меня.

Она взглянула на Константина и фыркнула. Потом с удовольствием запустила пальцы в его густые рыжие волосы.

— У тебя прическа сегодня неприличная. Елена Ивановна непременно сказала бы, что у тебя колтун на голове.

— Это у меня от страха волосы дыбом встали. У нас только Галка высоты не боится. А расческа у меня выпала из кармана на самом верху. Причеши своей.

Марина с готовностью выполнила его просьбу.

— Ну, вот. Теперь ты снова похож на человека.

Галка наблюдала за ними пристальным ревнивым взглядом.

— А я еще на карусель хочу! Константин Игоревич, пойдете на карусель!

Костя отмахнулся.

— Нет, Галка... Я тоже — пас. Опять прическу испорчу. Мы тебе билет купим и посмотрим, как ты наслаждаешься. Иди, занимай очередь в кассу.

Потом они стояли плечом к плечу у заборчика, отгораживающего вертящуюся карусель, и молчали. Когда инструктор освободил Галку от страховочных ремней, она, вполне счастливая, подскочила к ним.

— Нам пора, Галчонок.

Девочка вздохнула и посерьезнела.

— А в следующие выходные вы меня опять заберете?

— В следующие выходные мы пойдем в гости к моим родителям, — серьезно ответил Константин.

— В гости? — поразилась Галка. — Зачем?

— Ну, должны же они наконец познакомиться с моей сестрой! — улыбнулась Марина.

Девчонка повисла у нее на шее.

— Ты теперь моя сестра? И я твоя сестра тоже? И мы будем жить вместе?

— Конечно! Теперь мы будем жить все вместе. Только сейчас нам надо спешить, я обещала вернуть тебя к ужину.

— Ладно, пошли.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как Галка с радостным воплем бросилась поднимать что-то с земли.

Марина сердито схватила ее за лямку сарафанчика.

— Дай-ка мне свою правую руку!

Она крепко сжала ее грязную ладонь.

— А мне — левую! — распорядился Костя.

Это требование девочке очень понравилось. Не в силах удержать радость, она весело подпрыгивала и поглядывала на улыбающихся Марину и Константина.

